

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ЗНАК ВОРОНА

ЭД МАКДОНАЛЬД

Шедевры фэнтези

Эд Макдональд

Знак ворона

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Макдональд Э.

Знак ворона / Э. Макдональд — «Издательство АСТ»,
2018 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-113560-7

После столкновения людей с Глубинными королями прошло четыре года. В Валенграде, городе, стоящем на границе с Мброком, огромной пустыней, где властвуют кошмары, по-прежнему беспокойно. Теперь ночное небо озаряют огни, несущие смерть всему живому, а на улицах набирает силу жаждающий власти религиозный культ. Это последователи Светлой Леди, сотканного из света призрака, который то и дело является людям. Жизнь Рихальта Галхэрроу к лучшему не изменилась, а работа на Воронью Лапу, могущественного колдуна, стала еще труднее, ведь в последнее время его приказы или совершенно непонятны, или откровенно безумны. Когда же из хранилища Вороньей Лапы выкрадывают артефакт ужасающей силы, Галхэрроу предстоит разобраться, кто из многочисленных врагов Валенграда в ответе за это преступление, пока не стало слишком поздно. Для этого ему и его отряду придется отправиться в место куда мрачнее и опаснее всех тех, где им довелось побывать, — в самое сердце Мброка.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-113560-7

© Макдональд Э., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Черные крылья: что случилось прежде	6
1	7
2	14
3	19
4	27
5	34
6	41
7	45
8	52
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эд Макдональд Знак ворона

Ed McDonald

RAVENCRY

The Raven's Mark, Book Two

This edition is published by arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Dark Crayon*

Copyright © ECM Creative Ltd, 2018

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2020

© Dark Crayon, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

«Знак ворона» – это прекрасное продолжение первой книги и роман, который мечтал бы написать любой автор фэнтези.

Book Nest

Это фэнтези высочайшего класса, книга в равной мере классическая и изобретательная. Ритм в ней подобен подступающему цунами. Это неудержимая волна, в которой напряжение возносится до невероятных высот, прежде чем развязка захватит читателя настоящей бурей эмоций.

Fantasy Book Critic

* * *

Эта книга для Кит

Черные крылья: что случилось прежде

Безымянные и Глубинные короли воевали друг с другом с незапамятных времен. Глубинные короли хотели подчинить себе людей и превратить их в драджей – порабощенных, извращенных существ, обожествляющих Королей. На пути у них встали жестокие Безымянные, готовые на все ради победы.

Миновало восемьдесят лет с тех пор, как Воронья лапа обрушил Сердце Пустоты на приближающегося врага и тем создал Морок: ядовитую, полную магии пустыню, где бродят призраки, шныряют по пескам жуткие твари-мутанты, а направления и расстояния не такие, какими кажутся. Лишь знающие навигаторы, читающие положения лун, способны вести людей по Мороку.

Рихальт Галхэрроу – капитан отряда наемников под названием «Черные крылья», магически связанный клятвой служить Безымянному по прозвищу «Воронья лапа» и обязанный искать предателей, смутьянов и дезертиров. Безымянный приказывает Рихальту спасти от нападения драджей женщину по имени Эзабет Танза, которую Рихальт любил и потерял двадцать лет назад. Эзабет – спиннер, то есть человек, способный сплести энергию света в магию. Эзабет и Рихальт делают ужасное открытие: Машина Ноля, оружие, защищающее границу Морока, осталась без энергии. А значит, ничто не мешает Глубинным королям привести через Морок огромные армии и обрушить их на земли Безымянных.

Эзабет, Рихальт, наемница Ненн, навигатор Тнота и брат Эзабет граф Дантри раскрывают сеть заговора, чьи нити тянутся на самый верх. Княгиней Хероно манипулирует Глубинный король Шавада. Рихальт побеждает княгиню – но слишком поздно. Машина Ноля не работает, драджи выступают в поход.

Начинается война. Люди отчаянно сражаются и проигрывают. Герои находят секретное средство, позволяющее Безымянным победить Шаваду и спасти город – но очень дорогой ценой. Эзабет гибнет.

А потом возникают слухи о сотканном из мерцания призраке, живущем в магической сети света.

1

Леван Ост очень просил о встрече наедине.

Когда я пришел, стрелки уже встали на четыре часа. Прибывающие Риока и Клада висели в безоблачном небе, и ночь отсвечивала пурпуром. Было холодно. Я ступал осторожно – укрытый плащом с капюшоном, вооруженный, готовый ко всему. Когда я в последний раз встречался с Леваном Остом, он пытался распороть мне живот битой бутылкой. Но это было давно. И, по правде говоря, я того заслуживал.

Вонь канала ударила в ноздри еще за три улицы. Вода – чернее темноты, дома вокруг заброшены. Никто не хочет жить в таком смраде. Каналы Валенграда и в лучшие времена не годились для водных процедур, а после Осады мы побросали в воду трупы драджей. Пусть себе гниют. Однако вода плохо смывает магию. Спустя четыре года она все еще была отравлена и люто воняла.

Ост захотел встретиться на барже, стоящей на Шестом канале – старой канаве на западном краю Валенграда, за рядами жмущихся друг к другу солдатских домишек. На юг по каналу тащились баржи, груженные тесаным камнем. Его везли для спешно сооружаемой на Помойке огромной фабрики фоса. Груженные сотнями тонн будущих частей Великого Шпиля баржи низко сидели в воде. Шестой канал смердел отнюдь не хуже других, но в глотке все равно стоял тошный ком.

Я остановился в тени на углу. Вдоль стен канала тянулись пришвартованные баржи и узкие лодки с плотно принаитованным грузом. За прошлую неделю трясло дважды. Никому не хотелось вытаскивать камни из ядовитой воды. Шли минуты, я стоял в темноте и наблюдал. Спешка нам ни к чему.

Черная вода неподвижна. Световые трубки потускнели, тихонько гудят. На палубах никого. Баржи по ночам оставляют без присмотра. Лишь на единственной горит свет. Когда-то она была увеселительной баркой, а на старости лет опустилась до перевозок. Голая палуба, сорок футов от штевня до штевня. Странное место для ловушки – если это она. Я проверил оружие. Хотя когда идешь в западню, вооружен ты или нет, дело второе. Я пришел, потому что имя «Ост» немало значило для меня. Старый приятель. Почти друг. Мои рекруты посмеялись бы, увидев меня тут. Я твержу им про осторожность, а сам на нее плюю. Хотя на то они и рекруты, чтоб твердить им всякую хрень.

Я сунул руку под плащ, взвел курок пистолета.

– Ост!

Имя полетело над черной водой – приглушенно и вяло.

За закопченным стеклом появилась тень, проскрежетал засов, открылась дверь. В проеме высветился силуэт тощего скрюченного человека.

– Капитан Галхэрроу? Так тебя теперь зовут? Я и не знал, придешь ты или нет.

Голос хриплый, будто у курильщика. А выглядит, словно сидел на сухом пайке целый год, а потом кувырком с горы слетел. Может, и не один раз. Тело будто слеплено из комков мяса. Видно, что возраст добивает мышцы. Длиннющая пепельная борода. Однако глаза еще смышленные, живые. Лицо все испещрено круглыми шрамами. Черви Морока, та еще дрянь.

– Леван, рад тебя видеть, – соврал я.

– Давай внутрь, а то тепло выходит, – посоветовал он.

Он качнулся, когда поворачивался. Пьяный. У меня куча опыта в общении с алкоголиками.

Опасным он не выглядел. Если он хотел закончить то, что начал много лет назад, кинувшись на меня с осколком бутылки, то плохо подготовился. Я медленно спустил курок, но все то время, пока мы лезли в каюту, палец с него не убирал.

В отличие от большинства барж, заполнявших каналы, эта когда-то была роскошной увеселительной посудиною. На таких любила отдыхать вечерами знать, медленно сплавляться по рекам и каналам. Наверное, пришли долги, скука, отравы в воде – и владелец то ли продал барку на сторону, то ли отдал для перевозок заработка ради.

– Кто-нибудь на борту кроме тебя? – спросил я.

– Нет.

Каюта – ящик дюжина на дюжину футов, простой стол, несколько потрепанных стульев, с потолка на крюке свисает старомодная масляная лампа. Ост предложил сесть. Я отказался. Ост зачем-то поправил стопку бумаг на столе, передвинул бутылку вина. Вино – безвкусная дешевка. Рядом с полной бутылкой стоит пустая, еще одна валяется у стены. На столе лежит меч в ножнах, с корзинчатой гардой. Вряд ли Ост захочет использовать его против меня. А если и захочет – не проблема. Ост старый, одряхлевший, пьяный.

– Мы давно не виделись, – тихо сказал я.

Ночь будит первобытный страх. Поневоле говоришь вполголоса.

– Ну да, давненько. С тех пор, как ты подрался с Тороло Манконо.

В его голос вернулась прежняя самоуверенная дерзость. Хотя он так и не поднялся рангом выше навигатора, но сумел завоевать уважение и место в командирской палатке. Он не любил меня, ведь я из сливок общества, а он – из низов. Да и, честно говоря, я был еще тем высокомерным ублюдком.

– Еще обижаешься?

Ост пожал плечами.

– Мне всегда нравился Манконо. Пусть он и родился богатым, как князь, но всегда меня слушал. Ты скверно убил его. Очень. Хотя часть вины на нем. Он сам вызвал тебя на дуэль.

Черт, я сюда приперся не ради ностальгической болтовни и старых обид.

– Ты сказал, у тебя что-то очень важное для Валенграда, – напомнил я.

– Вина? – предложил Ост.

Чашки на столе были в отпечатках грязных пальцев, но я все равно взял одну. Я не из тех, кто брезгует грязной чашкой, пусть и с самым дешевым вином, в любое время и в любом месте.

Ост окинул долгим взглядом мой длинный черный кафтан с двойным рядом серебряных пуговиц, заметил серебряные крылья, пришитые к каждому плечу. Когда-то я поклялся никогда больше не носить униформы, но время, деньги и престиж всех нас превращают в лжецов. Да и задумка для кафтана моя собственная.

Я позволил Осту как следует меня рассмотреть, не торопясь допил вино.

– ... Похоже, с тобой жизнь обошлась лучше, чем с остальными, – наконец, выговорил он.

– Это как посмотреть.

– У тебя так все гладко пошло с твоими «Черными крыльями». Разве ты не доволен?

А-а, у нас в голосе сквозит раздражение. Слова «гладко пошло» вряд ли можно применить к тем, кто ловит предателей, шпионов, дезертиров и жалких ублюдков, поддавшихся культу Глубин. Мои занятия не добавили мне популярности, а плясать на поводке у Вороньей лапы – то еще удовольствие.

– После Осады ты пошел вверх и снова в фаворе. Князья швыряют тебе золото мешками, чтобы ты поддерживал порядок, полмира боится тебя.

– Страх – он от нечистой совести, – заметил я. – Кое-кому и вправду стоит бояться.

Ост кивнул, запустил ладонь в редющую шевелюру. Наверное, ему уже седьмой десяток. Гордец. Непривычно ему просить. Трудно.

– ... Я не хотел к тебе идти, но доверить такое могу только тебе, – наконец признался он.

Ну да, мужчина мужчину зовет прийти одного ночью или затем, чтобы его прикончить, или из-за того, что при свете дня ему встречаться стыдно. А убить меня Ост не пытался. Во всяком случае, пока.

– Ну, говори, – подбодрил я.

Ост залпом допил вино, оскалился, скривился.

– Эх, с чего тут начать? В общем, залез я по уши в дерьмо. Такое, за какое ты вешаешь. Я все расскажу. Но давай договоримся?

– Думаешь, я о таком договариваюсь?

Ост прямо встрепенулся, подбородок выставил. Ну да, нам не страшно, нам море по колено. С другой стороны, он сорок лет водил людей по Мороку. Намного дольше меня. Если присмотреться, под его кожей заметна сеточка черно-зеленых прожилок. Это яд Морока, крошечные сгустки отравы, прижившейся в теле. Он видел дульчеров и сквемов, сражался с драджами и смотрел на то, как людей превращают в пыль. А я – просто урод с сединой в бороде. И никакой черноты под кожей.

– Разговор не обо мне, а о моей дочке и ее сыне. Если я раскрою рот, мне точно крышка, но они-то здесь не при чем. Сделай так, чтобы они исчезли – где-нибудь за Пограничем, в Испи или Искалии. Чтобы их отсюда не достали.

Я внимательно рассматривал его. Похоже, не врет. Да и дети – одна из тех немногих тем, которая еще способна меня тронуть.

– И от чего их нужно защищать? – спросил я.

Баржа закачалась – сперва легонько, потом сильнее и резче, так что задребезжали шторы на иллюминаторах. Ее приподняло волной, резко опустило. Бутылка скатилась со стола и разлетелась вдребезги, затрещало, посыпалось стекло уличных фонарей, берега канала погрузились в сумрак. Я схватился за стол, чтобы устоять.

– Дерьмо! – взвыл Ост и шлепнулся на пол, а сверху, хороня его под кучей промасленной парусины, посыпались старые плащи.

Земля рокотала и стонала. Где-то вдалеке с грохотом обвалилось что-то большое, наверное, дом. Рокотнуло напоследок – и все, землетрясение закончилось так же внезапно, как и началось. Я протянул Осту руку. Тот проигнорировал помощь. Предпочел встать сам.

– Третье за неделю, – заметил я.

Мне это не понравилось. Очень. Все из ряда вон выходящее – повод для тревоги. Но, как правильно указала Валя, даже «Черным крыльям» ничего не поделать с землетрясениями.

– Пошли на палубу, – предложил Ост. – Я б сейчас покурил, а хозяин баржи злится, если я дымлю внутри.

– Почему ты живешь на барже?

– Дешевле, чем где бы то ни было, если вонь нипочем, – пожав плечами, ответил он.

Снаружи было зябко. Воздух чуть не хрустел от холода. Клада пошла вниз, поднялась Риока, пурпурный цвет перешел в алый. Фос-фонари на улице горели на треть мощности, один шипел и трещал – наверное, повредило трубу. Я раскурил пару сигар и протянул одну Осту. Эдакий жест взаимопонимания, если не дружбы.

– Поля же совсем невинная, наивная. Она и видеть меня не хочет, – сказал Ост. – Скверно с нами было. Но придется.

Что ж, сделка так сделка.

– Ты выкладываешь мне что-то весомое, а я забочусь о том, чтобы она начала новую жизнь далеко отсюда.

– Ладно, – согласился Ост и несколько раз глубоко затянулся. – Я взял работу, по Мороку. Повел стороннюю братию. Они соврали насчет своих имен, но верно назвали место назначения: фиксированную точку, долину Тивена. Знаешь ее?

Я кивнул. Четыре дня езды через Морок, место с идеально круглыми валунами. Теперь наши армейские патрули дальше не заходят.

– Братия хорошо вооруженная, с тяжелыми арбалетами. И доспехи ничего. Крепкие ребята. Еще пара спиннеров с ними. Платили отлично – я почти заработал пенсию. Я подумал,

мы идем копать реликвии. Конечно, я знал, что это нелегально, контрабанда из Морока запрещена, но коллекционеры последнего коня продадут ради золотой марки Адрогорска. За то, что мне обещали, Поля могла бы хорошо устроиться.

– И что?

– А то, что когда мы выехали, я увидел: с солдатами неладное. Когда они разбили лагерь первой ночью, никто не смеялся. И не шутил. Солдаты сидели молча всю ночь. Мы с тобой знаем, что в Мороке не до смеха. Но меня до жути пробрало то, что они и не боялись.

– Может, ветераны?

– Тогда б они боялись больше всех. В Мороке не боятся только идиоты.

Ост выговаривал слово «Морок» с уважением и осторожностью, словно держал хрупкую свечу над миской с порохом. Конечно, в именах нет силы – но не уважают их только кретины.

– И то верно, – согласился я.

– В общем, мы пришли в долину Тивена – а там драджи. Я сразу наземь, ну, думаю, напоролся на сверхдальний патруль. Но спиннеры не стали торопиться с магией, хотя с драджами был «малыш». Ну, вроде того. Его изменило, как и всех драджей, но, наверное же, колдун – и я таких раньше не видел. Морда, как у рыбы. Но точно «малыш». Не поверишь – у него и гребаный хвост был. А «спиннеры» долго трепались с ним, потом вернулись и сказали, что едем домой. Вот и все. Посплетничали с рыбьей мордой и повернули восвояси.

За исключением Глубинных королей, нет тварей хуже и губительней, чем их первейшие прислужники, «малыши». Только их помяни – солдаты сразу лезут за амулетами. «Малыши» намного сильнее наших самых сильных чародеев. Короли делятся с верными слугами частью своей жуткой силы.

– Кто они такие?

– Я не знаю, – медленно выговорил Ост. – Я же сказал, что они соврали насчет имен. Блю, Пайкворк, Даски и прочее. Они иногда забывали, кто как назвался. Они ничего не пытались мне объяснить, но повторяли, что когда вернемся, денег у меня будет вдосталь. Купаться буду в них. Слишком часто повторяли. Но я же не слепой. Я понял: как только покажутся стены Валенграда, я не жилец. Я был нужен только для навигации. Потому я и сбежал от них за день до города, оставил их гнить в Мороке. Может, они там и сдохли. Но вряд ли мне настолько повезло.

– Значит, ты не можешь сказать, кем были эти таинственные люди?

– Нет, но если они вернулись, я смогу их тебе показать. Спиннеров не так много. Но если я настучу на их босса, за мной придут. Клянусь, точно же придут. Спиннеры прямо дергались, когда вспоминали хозяина. Все им нипочем – кроме него. А я очень боюсь тех, кто способен напугать спиннера. Галхэрроу, я теперь – просто ходячий труп.

– Ну и почему ты не пустился в бега?

– Да я уж пушусь, поверь мне, – Ост затянулся сигарой и закашлялся – дым полез не в то горло. – Побегу быстро и далеко, куда только можно. Повезет, так стряхну их. Продержался же я до сих пор.

– Так кто же босс?

– Обещай насчет Поли. Тогда и скажу.

Сигарный дым плыл между нами, сиял в фос-свете, блестел, как масло.

– Хорошо, я могу потянуть за кое-какие нитки, пристроить твою дочь и внука на корабль в западную колонию. Там всегда не хватает женщин. Если твои слова того стоят – обещаю.

Хорошо, что в последние секунды жизни Оста я хоть как-то сумел утешить его. Он выглядел благодарным, несмотря на ненависть ко мне из-за Тороло Манконо.

Затем живот Оста взорвался. Палубу окатило ошметками потрохов и обломками костей. Я не сразу понял, что его застрелили. Он зашатался, из него ручьем хлынули кровь и размолотые в кашу внутренности. Леван глянул на меня, и тут слева сверкнуло – второй выстрел, но

вместо вспышки и треска мушкета полил сине-золотой свет, а потом будто затрещала молния. Между ребрами Оста появилась дыра. Он упал на колени, выпучил глаза, широко открыл рот.

Моя рука заныла в том месте, куда попала пуля. Второй выстрел предназначался для меня.

Ост рухнул на палубу, и я увидел стрелков: двое на северном берегу, один на южном. Двое с мушкетами, один возится с чем-то длинным, серебристым – и направляет его на меня. А я стою и зеваю.

Черт!

Я кинулся в щель между ящиками для фруктов. Грохнул мушкет, меня обдало щепой и давленными цитрусами. Окружили меня, ублюдки. Я запустил руки под плащ и вытащил оба пистолета с кремневыми замками, заряженные и с взведенным курком.

Убийцы подошли ближе, я услышал голоса и рискнул выглянуть. Ублюдки носили маски, обычные холщовые мешки с дырками. Все трое – в стандартных военных одежках, но вот серебряная штука крайне необычная. Светострел, ручная пушка на фосе. Мушкеты давно перещеголяли их. Я и не ожидал увидеть такой в деле. Военные за последние полвека ни разу не заказывали светострелы. Кто эти люди?

Я глянул на Оста. Этот уж точно ничего больше не объяснит.

Я один, загнан в угол. И три убийцы идут ко мне, чтобы завершить начатое.

Скверный расклад.

Трудно разобрать их слова из-за мешков. Я, было, рванул к каюте, как снова рявкнул светострел, ящик взорвался и осыпал меня щепками. Потому я решил не дергаться.

– Я капитан «Черных крыльев» Рихальт Галхэрроу, – заорал я. – Бросайте оружие и сдавайтесь, или, мать вашу, по закону все вы трупы!

Снова приглушенные голоса. Похоже, сдаваться они не собираются.

– Сдавайся, и тебя пощадят, – выговорил один из них равнодушным, мертвым голосом.

На берег прыгать нет смысла. На обоих берегах враги, а я – большая и неповоротливая мишень. Даже если бы внутри не бултыхались дешевый эль и вино еще дешевле и скверней, я бы не проскочил мимо них по улице. Если они хоть немного умеют целиться, я труп.

Я обдумал положение. Да, выход тут один. Я сжался, досчитал про себя до трех – и вско-чил.

Я бабахнул из обоих пистолетов, по пуле в каждую сторону, отшвырнул их и кинулся к борту. Светострел бахнул в ответ, но я уже совершил деяние, которое замыслил как грациозный прыжок в воду. Получился громкий плюх пузом вниз, в зловонный канал. Я пробил дюймовый слой резинового дерьма на поверхности и ушел в чернила.

Холод – будто молотом в грудь. Хуже, чем самой лютый зимой. Вокруг черным-черно. Я нырнул, глубоко вдохнув, но когда ушел в ледяную темень, то понял: не хватит. Я оттолкнулся ногой, попробовал развернуться, и вдруг понял, что не знаю, в какую сторону плыть. Слишком уж вязкая жижа вокруг, дрянной соус из драджевой тухлятины и отзвуков скверной магии.

Ну куда же вверх? Я открыл глаза, их тут же защипало от воды, полной отравы, я закрыл их, оттолкнулся снова. Мать же вашу, *гребаные духи милосердия*, что за постыдная тупость, помереть вот так!

Я стукнулся обо что-то головой. Берег? Борт баржи? Я задергался – и оно исчезло.

Чертов воздух. Когда он не нужен, так его хоть отбавляй. А когда его нет, отдашь что угодно за один глоток. Легкие горели огнем, сердце стучало так, будто хотело вырваться и ударить подальше от хозяина. Честно говоря, я его вполне понимал.

Вокруг сгушался холод, вода тянула вниз.

Ослепленный, судорожно трепыхающийся, уверенный в том, что меня тут же подстрелят, я попытался вынырнуть. Перед закрытыми глазами заплясали огоньки. Под ногу попало твердое. А-а, плевать, пусть застрелят. Все лучше, чем захлебнуться в этой жиже.

Я оттолкнулся – и уткнулся во что-то головой. Вокруг жижа. Но это не дно канала. Я оказался под чем-то. Должно быть, дно баржи. Легкие просто разрываются, ребра грозят лопнуть и обрушиться. Тут мне и придет тихий и стыдный конец, вдали от глаз людей и духов.

Рука нащупала край. Я рефлексивно подтянулся, пробил слой грязи и, выскочив наружу, судорожно вдохнул.

А я еще жив!

Ага, я в темной комнате, спереди в сумраке угадываются очертания двери. Глаза неимоверно щиплет. Дрянная магия, вытекшая из драджей, жжет, будто лимонный сок. В глотке тошнотворный привкус Морока, соль и гнусь, я болтаюсь в узкой щели и не понимаю, куда я попал. Ох ты, да я шарил под баржей, и наткнулся на туалетную дыру. Меня спас утонченный вкус прежних хозяев. Они стеснялись гадить за борт, как простые здравомыслящие смертные. А я еще никогда не был так счастлив сидеть по шею в нужнике.

Вылезать оказалось непросто. Я тип мощный, но широкий и тяжелый, а щель узкая, да и вода засасывает, будто топь. Черная грязь прицепилась, словно пиявка, и не отпускала, пока я не растегнул кафтан и не отправил его в черноту. Ну, мне везет: меч на боку, в ножнах, а если в руке клинок, то игра еще не кончена.

Ладно, не время прохлаждаться. Ост умер, но пристрелившие его ублюдки наверняка знали, о чем он говорил. А я не вылез из канала, значит, по их мнению, остался на дне. Конечно, я мог спрятаться и выждать, а потом уйти незаметно. Но ворон на руке глянул на меня слишком уж нетерпеливо. Если я упущу такую крупную рыбу, Воронья лапа уж точно вскипятит мне кровь в жилах. Спиннеры переговариваются с «малышами». Немыслимо. Воронья лапа не слишком пристально приглядывал за мной в последнее время, но лучше не подводить колдуна, способного плавить горы. Время идти и добывать ответы.

За нужником оказалась кладовка: с потолка свисают колбасные кольца, пирамидой стоят ящики с мукой. Выход только один. Я прислушался – ничего. Я приоткрыл дверь, заглянул в соседнюю каюту. Никаких типов с мешками на головах. Может, они пытаются выловить мое тело? Я двинулся так тихо, как только позволяла моя трехсотфунтовая промокшая туша, выглянул наружу. Мешкоголовые расслабленно стояли вокруг тела, оружие висело за спиной. Они не ожидали, что я выберусь из ядовитой трясины.

– Спихните его в воду, – предложил один.

А, акцент Границы, безошибочно узнаваемый дикий сплав всевозможных говоров.

– Затолкайте под баржу. Несколько часов там – и его никто уже не опознает. Эта вода разъедает что угодно.

– Я думал, тот верзила с нами сразится, – выговорил второй.

Другой акцент. Городской, резкий выговор. Леннисград.

– Хорошо, что не сразился.

Их трое, я один. Расклад не лучший. Я не люблю драться за проигранное дело и, тем более, в меньшинстве. Я уже нагеройствовался в досталь, а в награду получил кинжальную боль в ноге при любом похолодании и постоянно ноющую черепашку. Но слова Оста меня серьезно взбудоражили. Очень серьезно. Эти трое – мой единственный ключ к «малышу» и к угрозе всей Границе. Как любой игрок, я чувствовал, когда идет фарт. Нельзя его упускать.

Внезапность – большой плюс. После драки люди часто расслабляются, замедляются. Убивать уже не надо, реакция «бить-удирать» притухла. А эти трое – не профессионалы. Наверное, любители легкого ночного заработка. У них на поясах висели городские рапиры, предмет хвастовства на вечеринках, пружинистые игрушки с вычурными рукоятками и лезвиями, которыми не разрежешь даже сыр. Сомневаюсь, что на эту троицу хоть когда-то кидался озлобленный верзила с тесаком в руке.

Новое впечатление им на пользу не пошло.

Первый столкнул тело Оста в жижу, наконец, заметил меня и заорал. Второй схватился за мушкет и почти успел подставить его под удар. Но почти не считается. Я развалил ублюдка от плеча до бедра, и тот издох прежде, чем его туша погрузилась в жижу вслед за Остом. Первый и третий кинулись в разные стороны. Я рванул за ближайшим. Он бросил разряженный мушкет, выдернул дуэльную рапиру с тонким гибким лезвием, парировал удар. Ему сыпануло искрами в мешок на лице. Трудно отбить рапирой тяжелый клинок тесака. Я подцепил ее, отвел вбок и обратным катом отрубил кисть. Мешкоголовый взвизгнул, отпрянул назад, споткнулся о бухту каната и рухнул за борт.

Все, его прикончит канал. Развернулся, убил, прыгнул, ударил – и не отвлекаться ни на что, кроме драки и дыхания. Теперь за последним!

Черт, он спрыгнул на берег. Я повернулся – и понял, что пока я бултыхался в канале, тип перезарядил светострел. Ублюдок взвел курок, прицелился. Я отчетливо видел серебряный ствол, торчащие медные проволоки, канистру с фосом. На таком расстоянии не промажешь.

Вот дерьмо!

Меня обыграли. Я труп с одного выстрела. Голова или сердце. Если не туда, то есть шанс добежать, отомстить и сдохнуть. Ублюдок смотрел на меня спокойно, без страха и злости в глазах. Щелкнул спусковой крючок.

Канистра с фосом тоненько завывала. На крошечное мгновение позади типа обозначился светящийся силуэт женщины, будто пятно среди огня. А потом канистра с фосом грохнула, выбросила ослепительные шипящие языки лунного света. Искры брызнули во все стороны на тридцать футов. Я прикрыл лицо рукой, шлепнулся на палубу. Меня окатило угольками, будто в кожу впились жала тысячи огненных ос.

Когда фейерверк угас, канал окутала тишина. Ее нарушал лишь псиный лай вдалеке. Собаки еще не опомнились от землетрясения. Меня обожгло, легкие пылали, словно я заглохнул мешок пчел – но я, черт возьми, остался жив!

Упавший в воду выныривать не хотел. Наверное, не пловец.

Женщины в свете тоже не видно. Ее силуэт выжгло на моей сетчатке. Я поморгал, следы видения исчезли. Хм, а было ли оно вообще?

Скорее всего, нет. Просто я очень захотел, чтобы оно было. Такое случается.

Тип, пытавшийся убить меня из светострела, хрипел в агонии. Наверное, он так и не понял, что же произошло. Светострелы – очень капризные штуки, со сложным устройством для отвода отдачи фоса. Когда отдача света не рассеивается, результаты бывают очень неприятными. В моем случае канистра взорвалась и осыпала стрелка дождем раскаленной докрасна шрапнели, разодрала тело, и из дюжины ран подтекала кровь.

Бедняга всхлипнул, захрипел и застыл, а потом умер, и стало очень тихо, если не считать моего тяжелого дыхания. Эх, теряю форму, как несчастный Леван Ост. Бедный мертвый старик. Только что умерли четверо, а я остался с мечом в руках.

Я прыгнул на берег и посмотрел на изуродованные останки человека, поверившего в свет и за то наказанного. Я стянул мешок с головы. Странно, выглядит знакомым. Обычное лицо, каштановые волосы, усы. Единственная примета – большая бородавка под левым глазом.

А ведь я его знаю.

Да, точно. Правда, я уже убивал его три недели назад.

2

Девлен Майль провел большую часть жизни на свиноферме, где грязи было много, а денег мало. Затем он обзавелся женой, а заодно – пристрастием к игре, выпивке и рукоприкладству. Справедливо будет сказать, что Девлен был преогромнейшим куском дерьма задолго до того, когда братья жены решили бросить его в колодец. Девлен сбежал и остался тем же куском дерьма, когда устроился уборщиком на фабрику фоса. Работа стабильная, но доход лишь немного больше, чем со свиней, от которых наш герой благополучно удрал. Потому, когда ушлый делец с черного рынка предложил красть батареи с фосом, Девлен с радостью ухватился за возможность подзаработать. Когда мои орлы поймали его с поличным, он вздумал сопротивляться, и я застрелил его.

Когда он умер в первый раз, его никто не оплакивал. Я сомневаюсь, что его оплачат во второй. Я очень хорошо помнил, как пристрелил его и как мои орлы швырнули тело на телегу. А этот ублюдок только что пытался пристрелить меня.

Речная вода смердела, я словно обрастал льдом. Я припелся, сочась жижей, к своей конторе и с полчаса выблеывал свои кишки на ее задворках. Контору я отгрохал очень даже ничего. Мне пришлось поработать во время Осады, я видел то, как Валенград чуть не накрылся тазом, и тогда князья, наконец, поняли, что давать деньги на Цитадель и «Черные крылья» – крайне полезное и нужное занятие. В результате на доставшиеся мне деньги я смог позволить себе логово «Крыльев», за которым не стыдно было и поблеть.

– Босс, у вас вид просто жуткий, – зевнув, заметила сидящая за конторским столом Меара. – Вы нашли своего типа?

Меара – чуть ли не самая здоровенная бабища из всех, которых я встречал. Моя лучшая орлица. И за столом ей тесно.

– Нашел. Кто-нибудь еще на работе?

– Сэр, еще нет шести. Кстати, как думаете, толчок был сильный? Мне кажется, за последнее время он самый-самый. У нас часы в коридоре упали и разбились.

Если ей и хотелось спросить, почему я промок до нитки в сухую ночь и отчего так воняет, то виду она не подала.

Я нашел самый крепкий кофе в доме, укрепил его бренди и попытался смыть вкус канала. Но дрянь не уходила, будто застряла где-то в пазухах и смердела гноем, кислой химией и дерьмом. Я вылакал кофе и вскоре снова оказался на задворках, чтобы выметать его.

На улицах все еще было темно. В этой части города нет сети фоса, и никто не платит за то, чтобы зажигать старые лампы. Я люблю, когда темно. Я и место это для логова выбрал из-за отсутствия сети фоса.

За те несколько минут, что я провел снаружи, выблеывая вязкую маслянистую грязь, кто-то уже успел приклеить на дверь листок желтой бумаги. А-а, душеспасительная чушь. Дескать, видения Светлой Леди возвещают приход новой эры свободы и справедливости. Народ видел яркий призрак – или воображал себе, что видел, – и связал их с обычными мечтами. Святоши никогда не унимаются, а теперь они шныряют повсюду. Я обвел взглядом улицу. Паршивец уже смылся, оставив желтые листки на всех дверях. Я содрал листовку со своей, скомкал и отшвырнул. Эта чушь ко мне в контору не попадет, даже если в нужнике тряпки закончатся.

Вонь сама по себе пропадать не желала, поэтому я развел в кухне огонь и налил воды в жестяную лохань. В ней мы моем посуду, для меня она смехотворно мала – но лучше, чем ничего. Я намылил голову, попытался промыть глаза. Вода быстро почернела и приобрела маслянистый блеск. Глубинные короли накачивали драджей магией, и мне повезло в нее окунуться. Трудно сказать, от чего меня тошнило: от магии или от того, как я на нее реагировал.

Но последнее принять легче. Амайра оставила для меня свежую форму в кабинете, думая, что я опять засну на работе. У меня был большой дом, но заходил я туда редко. В кабинете уютнее. Амайра догадалась, что я еще до рассвета заявлюсь в логово. Умная девчонка. У нее большое будущее.

«Черные крылья» четыре года назад, после нападения Швады на Валенград, тоже остались с будущим в большой дружбе. Теперь у меня хватало денег круглосуточно держать на постах часовых, так что я сразу отправил команду разбираться с трупами на Шестом канале. Мои орлы прикатят тела – или то, что осталось от них – на обследование. Конечно, мертвые не слишком разговорчивы, но на трупах могут быть метки Глубинных королей.

Эх, дерьмово вышло. Надо было взять с собой команду. Я позволил сантиментам перевесить здравый смысл и чуть не сдох в результате. Ост был частью моего прошлого, а его я привык держать в кулаке, прятать стыд подальше. Будто оно меня нынешнего и не касалось. Нельзя позволять такое снова. Я уже не мальчишка, на мне ответственность, люди надеются на меня, ждут работы и получки. Головой думать надо.

Чистый и приодетый, я засел за стол и тут же смел на пол вчерашние бумажки. Старые слухи, полусырые доклады. Уже которую неделю не поступало ничего серьезного. Может, потому мешкоголовые и застигли меня врасплох.

Я смертельно устал и вымотался, то и дело сплевывал в корзину, но несколько часов спустя кофе остыл, а я снова ощутил себя человеком. Роскошный кабинет с панелями темного дерева, кожаными креслами и старыми добрыми масляными лампами поднимает дух. А может, дело в бренди. Мы окружаем себя роскошью так, словно богатство и излишества могут заслонить от нас все беды. Хотя наверное, и в самом деле могут, пусть и ненадолго.

– Похоже, бурная у тебя выдалась ночь, – заметил я, когда приковылял Тнота.

Слабовата дисциплина у лучшего навигатора по Мороку. Рубашка торчит из штанов, воняет, как из винокурни. Тнота с крайне горестным и страдальческим видом шлепнулся в свое кресло, на толстенные подушки. Опять переживает из-за своих же безобразий?

– Надо думать, у тебя все сложилось удачнее, – буркнул он.

Ну да, исчерпывающее объяснение. Я всю ночь убивал, он – пил. Как обычно. Хотя я в последнее время чаще отдаю приказы, чем сам машу мечом. А Тнота плавно и умело перешел из навигатора в статус моей правой руки. Ирония судьбы – своей-то у него не было.

– Глаза у тебя стеклянные. Опять не спал, – пожурил он. – В кровать тебе надо.

– Сегодня посплю, – пообещал я.

– Ты это говоришь каждый день, и через раз врешь. Большой Пес сказал, что...

Но тут его одолела зевота, на время спасшая меня от очередного алмаза собачьей мудрости.

Меня пробила дрожь, хотя в камине вовсю плясал огонь. Если я простыну и умру от купания в вонючем канале, то уж точно заеду смерти между ног.

Валия пришла в контору промокшая и замерзшая. Она скалилась на небо так, будто оно оскорбило ее лично. На месте неба я бы уже удирал в горы. Она влетела в кабинет, как летела и по жизни: стихией, не переносящей халтуры и неумения, исправляя по пути все, что испако-стили недочеловеки вроде нас. Когда она вешала тяжелый плащ на стойку перед камином, то даже капать на пол умудрялась стильно. Копна каштановых волос заслоняла половину лица, и временами это было полезно – уж больно отвлекало это лицо. В тридцать Валия притягивала взгляды чаще, чем большинство в двадцать – ну, это, конечно, по-моему. Когда она появилась у нас три года назад, то сказала, что управится с нашим логовом лучше, чем кто-или другой. С тех пор она это не раз доказала. Теперь она управлялась не только с конторой, как предполагала ее работа, но и с моей агентурной сетью – что ее работа не предполагала и в помине. Но останавливать ее не стоило. Это уж точно.

Валия вытряхнула воду из нечесаной гривы, поморщилась и заключила:

– Воняет здесь просто мерзко.

Я рассказал о том, что случилось, и попросил выяснить, куда после первой смерти закинули тело Девлена Майля. Если я узнаю, как он смог выбраться из могилы, может, станет легче понять, с какой стати он снова подвернулся мне под руку.

– Что за недоумок! – буркнула Валя. – Как вообще можно умудриться сдохнуть дважды от рук одного и того же человека? Рихальт, оставь его мне.

Она записала детали, уставилась на облака за окном, а когда решила, что запугала их достаточно, пошла наружу, под редеющий дождь.

– А, так ты у нас уже «Рихальт», – поглумился Тнота.

– Ты тоже не зовешь меня «капитаном».

Факт, не зовет. Но тут совсем другое дело, и мы оба это понимаем.

– Как думаешь, для выпивки еще рано? – осведомился Тнота.

– Да, рано, – сурово ответил я.

Половина девятого, однако. Я старался бороться с худшими привычками. От выпивки меня клонит в сон, а теперь не время спать.

– Вот, гляди-ка – что скажешь? – спросил я, вытащив остатки светострела, которым меня чуть не угробил мешкоголовый, и водрузив их на стол.

Светострел напоминал мушкет: приклад, ствол, спусковой крючок, – но был устроен намного сложнее. Фос тек из канистры в зарядную камеру, взрывался от светового разряда, и оружие стреляло. Канистру оторвало почти целиком, приклад изуродовало разрывом, но длинный серебристый ствол, в целом, уцелел. На стали красовалась марка изготовителя: выбитая буква «Ф».

– Эти штуки следовало оставить в музее, – заметил Тнота. – Слишком дорогие и опасные. Порох не в пример лучше. А фос недешевый. И нестабильный.

Он осмотрел остатки, изучил спуск, нагар на стволе.

– ...Хм, а я не узнаю мастера. Наверное, новый изготовитель, – наконец заключил он.

– Но это бессмысленно. Как ни крути, мушкет лучше буквально во всем. И куда меньше шанс, что тебя разорвет на части.

– Такие штуки используют только идиоты. Пусть с фосом возятся спиннеры. Ну ты их видел: все в ожогах от света, который сами же и вытащили.

– Не сомневаюсь, что взорвавшийся бедолага с тобой бы согласился, – поддакнул я. – Кстати, Ост сказал, что его наниматели встретились в долине Тивена с «малышом». Отчего именно там?

Тнота поскреб утреннюю щетину, очень бледную на фоне блестящей смуглой кожи.

– Хм, в ту долину пройти ой как непросто. Она маленькая, стрелка компаса вертится, будто на часах. Но великолепное место для укрытия. Хотя тут вопрос: что драджи поделявали так близко, и не затевают ли они новую пакость?

– У них больше нет армии, чтобы лезть на Границу, – напомнил я. – Машина Ноля разнесла ее в пух и прах.

Тноту аргумент не убедил.

– Ну да, – нехотя согласился он. – Но разве оттого легче?

* * *

– Капитан-сэр, прибыл утренний курьер, – безмятежно отрапортовала Амайра. Она шмыгнула ко мне и оставила на столе стопку конвертов из бурой бумаги.

Как и многие дети в Валенграде, она осталась сиротой во время боев за Стену. После Осады я посчитал своим долгом дать работу хоть нескольким из них. Но они один за другим

удрали, умерли или оказались прожженными лгунами. А Амайра осталась и работала до сих пор.

- Как думаешь, мне что-нибудь из этого понравится? – указав на стопку, спросил я.
- Приглашение от майора Ненн. Она зовет вас пойти с ней в театр.
- Она прислала что-нибудь для тебя?
- Сегодня – нет, – уныло ответила Амайра.

Ненн полюбила ее и постоянно что-нибудь привозила, когда возвращалась из Морока.

Постоянно растущая коллекция диковин включала длинный палец с четырьмя суставами, ползавший сам по себе, камень, кричащий, если его погладить, и неразрушимого кузнечика, застывшего посреди прыжка. Колдовское дерьмо. Хотя вреда от него нет, если только не придет в голову его глотать.

- Может, и к лучшему, – заметил я и принялся копаться в бумагах.
- Капитан-сэр, можно мне пойти с вами в театр?
- Нет времени на театр. Слишком много работы, отдыхать некогда.

Бессонница и усталость после ночных приключений будто молотом били по голове. Надо выпить еще кофе.

– Но пьеса про Осаду! Я слышала, у них кукла ну точно как Шавада, а внутри люди на ходулях, и они двигают куклу жердями!

Тнота рассмеялся – будто высыпали горсть камешков. Я оставил бумаги, мрачно посмотрел на него.

– У них крепкие нервы, тащить эту дрянь сюда, – заметил я. – Вряд ли хоть кто из гребаных актеришек слышал, как воет небо, пока не попал сюда.

– Гребаных актеришек! – с удовольствием повторила Амайра.

– Следи за языком! – буркнул я.

– Так точно, капитан-сэр! – выпалила она и, поколебавшись, добавила: – Капитан-сэр, с вами все в порядке? Вы плохо выглядите. Вам принести яиц или вина?

Девочка права. Мне скверно, и это не просто от усталости, а гораздо серьезнее. К усталости я привык. Большую часть ночей я спал по четыре часа, а иногда обходился и без того.

Я заморгал и вспомнил, что со мной говорят.

– Ваш сын опять заснул пьяным на ступеньках прошлой ночью, – сурово поведала Амайра.

Сын. Эх. Он теперь – мой сын. Старик по имени Глек Малдон в детском теле. До того, как Шавада изувечил его и сделал «малышом», Глек был вторым величайшим спиннером своего поколения. Я отстрелил ему половину лица, и потому, в некотором смысле, ответственен за него. Выглядит он как ребенок, а мне обычно не задают лишних вопросов, так что считают его моим отпрыском. Хороший повод держать Глека поблизости.

– Кто-нибудь уложил его спать?

– Нет. Он отказался идти, а потом наблевал на ковер и пропал. Я не знаю, где он теперь.

Я пожал плечами. Глек всегда делает, что ему заблагорассудится. Мои слова ему в одно ухо влетают, а в другое вылетают. Мучаясь угрызениями совести из-за того, что донесла, Амайра с облегчением удрала из кабинета. Да, ее проворству и живости можно только позавидовать. Невинный бесенок. Она говорила, что ей четырнадцать. Хорошо, если ей хотя бы двенадцать исполнилось.

– Босс, а ты дерьмово выглядишь, – заметил Тнота.

Как достало это слышать! Тнота уткнулся в бумаги на столе перед собой. Он всегда делал так, когда хотел сказать гадость.

– Босс, может, тебе поспать?

Поспать надо, но я не хочу – по той же причине, по какой не допускаю фос-ламп в кабинете. Я знаю, что поджидает меня в темноте. Когда я закрою глаза, то обязательно увижу ее.

Объятая светом, она всегда тянется ко мне во снах, умоляя о помощи. Я протяну к ней руки, и наши пальцы пройдут друг сквозь друга, как дым.

3

– Сильно болит? – спросила Амайра, глядя на мои предплечья.

Я сидел напротив нее за столом и поедая свиную грудинку, запеченную в хлебе.

– Что болит?

– Ну, татуировки. Сильно?

– Их бьют, втыкая в человека иголки. Много раз. И болит оно именно так, как ты подумала. То есть сильно. У тебя разве нет работы? – сказал я.

– Хм, – изрекла Амайра. Она нахмурилась, но из-за стола не встала.

– И думать забудь, – посоветовал я. – Ты еще слишком молодая. Если обнаружу, что кто-то набил тебе тату, уши ему оторву.

– Но почему?

Какой докучливый ребенок. Хотя по моему опыту, дети только такими и бывают. У Амайры смуглая кожа, иссиня-черные волосы жительницы пустынного оазиса, но глаза голубые. То есть был кто-то в роду и с северной стороны. В Валенграде можно найти людей всевозможных цветов и оттенков, и смешанной крови хоть отбавляй. Обычное дело. Амайра никогда не говорила о родителях. Я уважал ее молчание.

– Потому что когда ты метишь себя, это навсегда. А я видел много людей, жалевших о плохих татуировках.

– Мне эта нравится, – сказала Амайра и указала на ворона, сжимающего в лапах меч.

– Уж поверь, эта – большее всего.

Я уже прогрыз буханку с грудинкой до половины. Макал в холодный соус и жевал. Отчего-то когда не спишь, все время хочется есть. Иногда я ел шесть раз в день. Но еда не проясняет мозги, не помогает вспоминать. А память трещит, шипит и подводит. Все как в тумане.

– Мне кажется, надо набить одну, чтобы люди знали, где я работаю, – сообщила Амайра со всей уверенностью соплячки, ни разу не чувствовавшей на коже иглу.

– Нет.

– Но я...

– Нет!

Она потупилась.

– Так точно, капитан-сэр.

– У тебя работа. Иди и делай ее, – посоветовал я.

Она испустила драматический вздох и потопала прочь из комнаты, всем своим видом усиленно показывая, как ей тяжело и неприятно зарабатывать на хлеб.

Я прикончил мясо, потянулся, влил в себя остатки кофе и дал работу присным.

* * *

Потом я постучал в дверь кабинета Валии и зашел. Уют ее маленького мирка был без малого упреком моему хаосу. Я против воли заправил рубашку в штаны, чтобы соответствовать порядку вокруг. Безукоризненно выглаженное платье, волосы уложены столь же аккуратно, как и все в комнате. Валия составляла список на оплату – но отложила гроссбух, когда я зашел.

– Леван Ост умер. Я не знаю, где он жил и где искать его дочь. Ты сможешь выследить ее?

– Если она в городе, найти ее можно, – заверила Валия, отхлебывая из крошечной фарфоровой чашечки.

Она обожала жуткий, цвета грязи чай, который привозили с дальнего востока.

– Возьмешься? – спросил я. – Но все надо сделать тихо.

– Конечно. А ты думал о том, что лучше поискать нанявших его людей?

Валия умела задавать вопросы, звучавшие как приказы. Она посмотрела на меня поверх чашки. Ну да, теперь нас уже и чаем упрекают. Мы много пьем. Не можем без того. И работаем под хмельком. Нехорошо, но ведь Валии не приходится таскаться в Морок или резать людей.

– Ост говорил, их было тридцать, включая двоих спиннеров. Но никаких имен. Работать особо не с чем.

– Ты смотришь совсем не там, – укорила Валия. – Солдат найти нетрудно, но вот навигаторов – раз-два, и обчелся. Как они вышли на Оста? Большинство навигаторов работает на Цитадель. Может, Ост был не первым, к кому они подошли.

Она права. А я мог бы додуматься и сам. И может, без труда додумался бы, если бы рассеялась муть в голове. В общем, в распитии чая цвета грязи тоже есть толк.

У всех свои пороки. Но я предпочитал хорошо знакомые мне.

– Напомни зайти к тебе в следующий раз, когда надо будет включить голову, – буркнул я. – Спасибо. Я уезжаю из города до завтра.

Я встал и направился к двери.

– Рихальт?

– Что?

– Ванну еще раз прими. От тебя все еще несет каналом.

Валия говорила, не отрывая взгляда от гроссбуха, но, клянусь, она попросту прятала за ним улыбку. Ее я видел нечасто. А жаль.

Ее совету я не последовал, но сменил униформу на старое грубое тряпье, какое носил полжизни, и, выехав из южных ворот, двинулся по обводной дороге. Я миновал станции Два-Пять и Два-Четыре. Они выглядели ухоженными и укомплектованными. Вблизи Валенграда командиры всегда боялись проверок. Дорожат местом – всякому охота служить как можно ближе к Валенграду. Я обогнал пару караванов, со скрипом тянувшихся к Границе, но, кроме них, на дороге почти никого не встретил. Сам путь следовало отремонтировать, но зимой все дороги в плачевном состоянии.

Моя цель лежала в полудне езды. Станция стояла прямо на границе Морока, а в паре миль от нее выросло что-то вроде городка, где обитали проходимцы и мародеры из тех, кому хватало храбрости и сил на вылазки в Морок. Однажды в городке появилась и таверна, потому что для вылазок в Морок нужны лакрица и выпивка. Конечно, вряд ли стоило открывать в логове бандитов пивную, но здешнее пиво незаслуженно пользовалось репутацией лучшего в Приграничье. Ходили слухи, что туда заглядывал временами сам маршал Венцер. Я попытался представить, как этот маленький старый закутанный до ушей человечек едет по одинокой пыльной улице. Да, такая шутка понравилась бы Железному Козлу. Я тоже улыбнулся.

Почти все, кто попадался мне по дороге, ехали в Валенград. По большей части, провинциальные типы: фермеры, батраки, ремесленники – обычные люди с повозками, заваленными поклажей, и ошалевшими от удивления детьми. Несмотря на близость Морока, они выглядели радостными и гордо поднимали головы в желтых капюшонах. Паломники Светлого ордена. Я им дружески кивал, но поговорить не останавливался.

Тик-таун выглядел паршиво и замызганно. Вокруг таверны образовалось скопище лавок и притонов – обычное дело для разбойных городишек, живущих в окружении алкоголя и выпываемой в Мороке дряни. Азартные игры, шлюхи, драки и скупщики. В городе не было сети фоса, строения сплошь деревянные, за исключением одетой в камень таверны, будто подчеркивающей свое главенство в городишке Морока. Я не любил Тик-таун. Он притягивал всякий никчемный сброд, считавший, что из Морока можно вынести много денег. Леван Ост был не единственным, кто думал, что можно разбогатеть, раскапывая дерьмо Морока и продавая его коллекционерам на запад. Но копатели обычно не заходили далеко. Несколько часов в песках – и можно не найти дороги назад. Группки этих лоботрясов околачивались у входа в таверну.

Хотя была зима, со стороны Морока прокатилась волна жары. Погодка стояла как посреди лета, и любители пива выбрались из таверны наружу. Мародеры угадывались сразу: трясущиеся руки, отчаяние на лицах. В Морок идут только отчаянные, тупые или жадные. Похоже, эти соединяли в себе все три ключевых свойства.

– Приятель, ищешь товар? Покупаешь? У меня есть штуки, которых ты в жизни не видел, – окликнули меня, когда я привязывал Сокола к столбу.

Да, мой кожаный костюм истрепался, а мягкую широкополую шляпу я носил уже лет пятнадцать, но коня-то не спрячешь. Достаточно лишь глянуть на Сокола, чтобы понять, что у его хозяина водятся денежки. А у предлагавшего нервно дергалась щека. Такое не проходит. Бедняга увидел что-то в Мороке. Ну, бывает.

– Не сегодня, – процедил я.

– У меня по-настоящему особенная штука, – выпалил он и сунул руку в карман – несомненно, чтобы вытащить диковину.

Я схватил его за запястье.

– Я же сказал, не сегодня.

Я пропихнулся сквозь вращающиеся двери в таверну. Ничего особенного, обычная пивная. Влажно, висит густой запах пролитого пива, на полу рассыпан истоптанный камыш. Народ уставился на меня из сумрака, барменша окинула меня взглядом и снова взялась протирать бокалы. Наверное, посчитала меня очередным искателем сокровищ. Большинство любителей полудневной выпивки из тех, что близость к ней предпочли прохладе снаружи, не обращало на меня внимания. У них хватало и своих проблем.

Я подошел к стойке. Бочонки с элем и бутылки с чем-то похожим на виски так и манили меня, но я решил не слушать их самоубийственный зов и обратился к барменше. Ее рыжие кудряшки были собраны в пучок на голове, на голой шее красовалась золотая цепочка. Ну хоть кто-то здесь делает неплохие деньги.

– Я тебя знаю, – сказала она. – Эти твои тряпки меня не обманут. Ты тут потише. Кое-кто не хочет попадаться тебе на глаза.

А, дезертиры. Кто бы подумал, что сбежавшие от Морока околачиваются так близко от него. Впрочем, людей всегда тянет к знакомым местам.

– Ну, если заметишь их – подскажи, – предложил я.

– Нам тут погрома не надо. Хочешь – лови сам. И снаружи, а не внутри.

– Я не погромы устраивать приехал. Я ишу навигатора. Есть тут такие?

– Нолт, – ответила барменша. – По крайней мере, еще вчера был здесь. Хотя он работы не ищет. Перегорело у него. Сидит и травит байки про свои приключения.

Я поблагодарил и, вопреки своим лучшим намерениям, таки глотнул двойного виски. Оно пошло гораздо лучше, чем я ожидал. Я заплатил больше, чем следовало, и уже хотел идти, но на выходе нарисовались трое типов с неласковыми выражениями на лицах.

– Похоже, вы хотите со мной переговорить, – заметил я.

Хотя «переговорить» было не совсем нужным словом. На типах – доспехи, собранные из разномастного дерьма, скверно подогнанные и в пятнах ржавчины. Первый – коротышка с заплывшим глазом. Вторая – высокая, щербатая и страшная баба. Третий – пропитый и брюхастый, с пышными бакенбардами до подбородка. Мечи пока в ножнах. Несомненно, эта троица видела, как я подъезжаю, и успела приодеться, пока я пил. Все считают, что выпивка меня рано или поздно прикончит. Что да, то да – но эти трое явно поторопились.

– Мы знаем, кто ты, – выдавила баба.

Похоже, их лидер. Только у нее в глазах хоть какое разумение. И пару ее дружков я узнал. В смысле, не в лицо или по имени, а сам тип. Чтобы быть солдатом, нужны дисциплина, крепость духа и толика дерзости. Дезертиру хватает лишь последнего. Типы думали, что я

охочусь за ними. Если б я знал их имена, то, наверное, охотился бы. Но я не ожидал драки и явился легковооруженным.

– Я не за вами, – сказал я им. – Лучше всего для нас всех было бы, если бы через пять минут после вас здесь лишь пыль клубилась. Я дам вам время. Если хотите, начну обратный отсчет.

– Ты повесил Бинни и Уилкса, – прошипела баба, а бакенбардист с брюхом заворчал. – Они ж ветераны. Пережили Осаду. А ты повесил их, потому что они хлебнули Морока выше крыши и больше не захотели. Не надо было тебе их вешать.

Бинни. Уилкс. Пара беглецов – по меньшей мере, с год назад. Я их уже почти забыл. Клиенты пивной почуяли, что надвигается гроза, и тихо перебрались поближе к стенам.

– Жалуйтесь в суд, – посоветовал я. – Я тут не по вашему делу. И в мое вам лучше не впутываться. А то придется болтать языком там, где вас выслушают с большой охотой. Лезть в драку со мной не слишком разумно.

Да, неразумно. Но тогда, на барже, я сумел застать троих врасплох. А удача не любит, когда от нее требуют слишком многого. Если эти трое пойдут на меня, лучше всего будет вывалиться в ближайшее окно.

И тут я почуял кислый деревянный запах тлеющего фитиля, а затем щелчок курка.

– А ну, ребята, катитесь лесом, – прицелившись, посоветовала барменша, и добавила: – Давайте: мечи в ножны, заползайте на своих блохастых мулов и валите подальше от моей стойки!

Дезертиры уставились на барменшу – та не снимала палец со спуска.

– Я ищу навигатора, – сказал я, стараясь сменить тему на что-то, не включающее мою смерть.

У барменши всего одна пуля. Даже если попадет, счет все равно не в мою пользу. Дезертиры не просто скалили зубы. Они всерьез испугались перспективы отправиться вслед за Бинни с Уилксом. Ну подстрелит барменша толстяка, что дальше?

Троица переводила взгляды с меня на барменшу с мушкетом и соображала. Прикидывала шансы.

– Я ищу навигатора, – повторил я. – Свободного от службы. Знаете, где искать Нолта?

– Нолти? – выговорила женщина с прищуром. – А что он натворил?

– Ничего такого, о чем бы я знал. Проблем у него не будет – во всяком случае, из-за меня. Скажите мне, где он, и идите восвояси. И не останавливайтесь. Чтоб больше я вас тут не видел.

– Сам его ищи, – посоветовала баба. – Эй, ребята, вперед. Прилив не ждет.

До моря тут далеко. Но троица явно поняла, в какую сторону ветер дует: они попятились и выскочили наружу. Барменша вздохнула с облегчением, опустила мушкет и погасила фитиль. Выпивохы заковыляли к прежним местам. В их покачивающемся мире восстановились покой и порядок. Я вернулся к стойке и заказал еще одну порцию. Осталось лишь подождать.

Ждал я недолго. В маленьких городишках слухи разбегаются быстро. Нолт приковылял с костылем подмышкой – изможденный, в обтрепанной кожаной одежде, какую носят, когда уходят в Морок. Бродяга, нищий попрошайка с отнятой почти по колено левой ногой. Но на плечах – желтый шарф. Нолт уселся рядом со мной за стойку, и стало ясно: пока покупаешь ему местный сладкий эль, он будет трепаться сколько угодно. Нолт чуть ли не упал лицом в кружку и булькал так, будто ему месяц не давали пить.

– Хорошо пошло? – спросил я.

– Ну что сказать? Времена скверные, денег мало, – изрек Нолт и указал на отсутствующую ногу.

– Кто это тебя?

– Джиллинги. Я водил людей по Мороку двенадцать лет, и вот однажды мой приятель заснул на посту. Я проснулся, потому что захотел по малому – а красный ублюдок уже почти до колена ее доел.

Нолт потряс головой.

– С тех пор трудно найти приличную работу. Хотя я еще могу ездить верхом, Цитадель меня не берет. А могла бы. Все-таки я был чертовски хорошим навигатором.

– Мне рассказывали, – соврал я.

– Я слышал, тебе нужен навигатор, хоть ты и едешь обычно с Тнотой. Он уж точно понимает в том, как шастать по Мороку. В общем, чем могу помочь? У тебя есть для меня работа?

Нолт даже подался вперед: с виду так и горит нетерпением, хочет взяться за настоящее дело, показать, что не хуже других, несмотря на калечную ногу. Но я-то видел в его словах и жестах тихую отчаянную мольбу. Бедолага словно беззвучно кричал: «Не заставляй меня возвращаться туда, в проклятую пустыню, к призракам и безымянным страшным тварям, пожалуйста, не надо». Мне стало жаль его. Нелегко это – когда просыпаешься и видишь мелкую красную тварь, высасывающую из твоей ноги костный мозг.

– Нет, – заверил я. – Но я ищу тех, кто мог предлагать тебе работу. Кто-то просил тебя показать путь в долину Тивен?

Я попал в точку. Нолт изобразил огорчение – но радости скрыть не смог. Я снова заказал ему выпить, чтобы послушать его историю.

– Знаешь, я мог бы взяться за такую работу. Ты ж понимаешь, я могу. Трудная навигация, но меня от нее и пот не прошибет.

Он хотел, чтобы я ему поверил, уверился, что он по-прежнему такой, каким был раньше. Поэтому я не стал спрашивать, почему он отказался от работы. Нолт солгал бы.

– Ты правильно сделал, что не пошел, – подбодрил я. – Помнишь, кто тебе это предлагал?

– Ну да, помню. Станный тип. Такие обычно в Морок не ходят. Голос, как у богатея, леннисградский акцент. Не из самых верхов, но близко. Образованный, и нос задирает выше гребаного амбара.

– Он назвался?

Нолт задумался.

– ...А, Накомо. Как город. Накомо.

Такое имя нечасто встретишь. Но и не то чтобы очень редко.

– Мне нужно выследить этого человека. Помогут любые сведения.

Конечно, Нолту больше не видать работы в Мороке. Тут уже все, путь закрыт, что вполне понятно. Но из армии Нолта уволили как заслуженного ветерана, и он в глубине души еще оставался солдатом. Его желание помочь Границе не исчезло вместе с ногой.

– Среднего роста, шатен, белый, выглядит молодо, но руки странные, старые... ага, вот еще что было: когда выло небо – а оно выло в особенности свирепо, когда он приехал искать пилота – парень чуть не выпрыгивал из седла. Наверное, новенький здесь. И что такому неотесанному понадобилось в долине Тивен? Ведь даль страшная. А он туда попал?

– Да, попал, – подтвердил я. – Спасибо, Нолт.

– Если отыщется настоящая работа, дай мне знать, – сказал он, но дрожь в лице намекала, что делать этого не нужно.

Я дал ему достаточно денег, чтобы не просыхать до конца недели. Изрядная сумма за имя и горстку деталей. Их я передам Валии – и посмотрю, что выйдет.

* * *

Когда я подъехал к Валенграду, уже давно стемнело. В последнее время на улицах было тесно от людей и телег. Сюда, волоча с собой кучу пожитков, тянулся народ: обычные люди –

фермеры, торговцы, иногда мастера, иногда просто простофили со сворой голодных детей. Но пока пустых домов хватало на всех. Очень многие умерли во время Осады – и воины из тех, кто дрался и погиб на стене или под ее обломками, и трупы, которых нашли спрятавшимися, которых поймали, когда войска Шавалы вступили в город. Поначалу казалось жутким, даже противоестественным входить в пыльные опустелые дома людей, умерших ради нашего спасения. Но прошло четыре года – и город заполнили новые люди. Они пришли с осмысленной целью, их желтые шарфы объявляли о преданности культу, укоренившемуся во всей городской жизни, среди людей всех профессий и сословий. Что до меня, я б к новой вере отнестся не лучше, чем к любым другим проповедникам грядущих бед, и втоптал бы зарождающуюся религию в грязь. Но их стало слишком много. Теперь лучше вообще не касаться их. Они звали себя «Светлым орденом», и я их ненавидел.

Я уселся в «Свистке» с кружкой темного эля, такого горького, что он проедал рот чуть не насквозь. Скверный эль, но дешевый. Я мог бы купить и получше. Черт возьми, да я бы мог купить все это вшивое заведение за половину годовой полочки, но старые привычки живучи. В другом конце комнаты мужчины и женщины в обносках передавали друг другу миску с «белым листом». Отдыхающие наемники расположились полукругом возле камина и пытались перешеголять друг друга крайне маловероятными историями крайне маловероятных подвигов. После Осады мы с Тнотой практически поселились в этой дыре и управляли ею, пока работа и долг не заставили перебраться в место поудобней. Кое-кто из ребят, подававших нам тогда пиво, еще работал здесь. Когда я отдавал место Саву, я вытянул из него обещание присматривать за детишками и не позволять им скурвиться до тех пор, пока не вырастут.

К появлению Тноты я успел вылакать три кружки.

– Валя поговорила с кладбищенскими ребятами – поведал он. – К ним поступило тело Девлена Майля, но на этом след теряется. Его не помнят, и нигде не записано, в какую бедняцкую яму сбросили тело.

– Да, надежда была слабая, – согласился я. – Что еще?

– Никто из обычных шептунов ничего мне не нашептал. Я попробовал узнать у наемников, поинтересовался слухами о группе в три десятка человек с парой спиннеров, недавно вернувшейся из Морока. И тут ничего.

– Ты пробовал расспрашивать ребят у восточных ворот?

– Валя пробовала. Никаких следов.

Тнота махнул официантке рукой – мол, принеси вино. Та ухмыльнулась. Детишки Осады почему-то любили старого извращенца. До осады он регулярно округлял парнишек из «Свистка», но после ранения поостыл. Умение обворожительно усмехаться он сохранил, но вместе с рукой потерял многое. У него сдали нервы, как и у Нолта. Он бросил шлаться и по Мороку, и по парням. Теперь Тнота даже и не глядел в сторону полуголых мальчуганов, лениво ожидающих на балконе.

– Вообще ничего? – спросил я.

– Если б твоего Оста из-за этого не подстрелили, я бы не поверил и слову из его рассказа.

– Похоже, он ввязался в местные беды и хотел, чтобы я занялся его врагами. А те завалили его и пришли посмотреть на качество работы. Очень им хотелось убедиться в том, что он больше не встанет.

– Местные беды – вот они, – заметил Тнота и кивнул в сторону пары мужчин среднего возраста, только что зашедших в пивную.

Те отряхивали воду с длинных плащей с желтыми капюшонами. Люди Светлого ордена.

– Может, не такие уж они засранцы, – с надеждой изрек я.

Хотя тут шансов немного. Большинство людей – засранцы, вне зависимости от того, влезли они в новую религию или нет. Ретивые гости подошли к группке старых ветеранов, попытались всучить памфлеты, были предсказуемо усланы подальше и, само собой, направи-

лись к нам. Гости выглядели неотесанными провинциалами. Их выговор подтвердил предположение.

– Сынки, вы зря теряете время, – поведаль им я. – Люди сюда приходят за двумя вещами: напиться или потрахаться. Никакие разговоры про видения в свете это не изменят.

Проповедник меня не слушал. Он стал с виноватым видом меня успокаивать.

– Пожалуйста, не бойтесь, я не собираюсь убеждать вас поверить в то, чего вы не видели своими глазами. Ваша вера – это дело лично ваше и ваших духов. Мы всего лишь разносим приглашения для всех честных людей, которые не желают терпеть заоблачные поборы. Люди собираются, чтобы протестовать против нового налога, введенного маршалом. Мы с удовольствием выслушаем ваше мнение.

Он сунул нам мокрый листок. Дождь проник сквозь ткань его сумки, чернила на памфлетах поплыли – ничего не разобрать.

Завидев, что от нас больше толку не будет, проповедники двинулись к следующей компании.

– Чертовски много этой братии в городе в последнее время, – заметил Тнота.

– Великий шпиль, – буркнул я. – Для них он – святое место, а ведь его еще не достроили.

– Ну, пусть эти поклонники света и зануды, зато Валенград больше не город-призрак. Большой пес говорит, что чем больше народу на Границе, тем лучше. Не все ж безмозглые.

А вот я совсем не был уверен в полезности новой секты. Ее доктрина казалась смесью веры в духов и революционной философии, настоящей на видениях так называемой «Светлой леди», являвшейся постоянно и повсюду. Ходили слухи о том, что Высокий свидетель приедет в Валенград, чтобы распространять Ее слово. Может, он сумеет лучше объяснить доктрину секты, чем затопившие улицы крестьяне.

Мы с Тнотой пили и играли в шашки. Игрок из него жуткий, и я обычно позволяю ему раз-другой сделать ход назад, чтобы партия не закончилась, едва начавшись – но моргнул и вдруг обнаружил, что пройдоха умудрился поймать половину моих шашек. Может, голова настолько затуманилась, или я совсем уж замечтался, но потерял ровно половину передовых шашек в ловушке, которую следовало заметить еще за уйму ходов.

– Я снова видел ее, – признался я.

Мой однорукий друг кивнул, словно заранее знал то, что я собираюсь сказать.

– Ее многие видели. Потому они и едут сюда, разве нет? Все желтые капюшоны считают, что видели ее. Они считают, будто мир изменится и установится новый порядок вещей. Рихальт, ты тоже так считаешь?

– Нет, не считаю. И вижу я не то, что они. Для них она женщина из света. Для меня – другое. Она умерла, и я уже примирился с этим. Оставшееся в свете имеет не больше общего с ней, чем след на песке с оставившим его человеком. Но все же – я видел ее...

– Ты видел просто яркую вспышку, – указал Тнота. – Ты ж столько раз дрался, ты знаешь: в горячке драки ничего толком не помнишь. А когда ты в последний раз спал?

Тнота выбил трубку о стол, прикрыл рукой кружку с пивом. Ага, у нашего Тноты серьезный вид – хочет разговаривать, а не просто выпивать вместе.

– Рихальт, я знаю, оно нелегко. Ты нашел Эзабет, потерял ее, и где-то в глубине твоего старого крепкого битого черепа так сидит скверная мыслишка: мол, это я виноват, – хотя ты сделал побольше любого другого ради того, чтобы мы все не стали драджами. Хочешь совет?

– Не знаю. Он мне понравится?

– Нет. Но я все равно его дам. Тебе нужно поспать. Ты свечку жжешь сразу с двух сторон, да еще и середину подпаливаешь. Еще чуть-чуть – и вообще перестанешь верить своим глазам.

– Я вижу ее во сне, – сказал я.

– Это просто сны. Всем нам снятся кошмары.

– А если Дантри прав? Если она не умерла? Не совсем умерла?

– У этого парня мозг размером с орех, – заметил Тнота. – И при том никакого здравого смысла. Но если он и прав, если осталось больше, чем просто эхо в свете, он все равно ни хрена не смог придумать, что с этим поделать. Ты-то не гений математики, каким был Дантри – но если тебе хочется верить в то, что она эдак запросто вернется, иди надевай желтый капюшон. Желтый тебе к лицу.

– Хоть бы она вернулась, неважно, каким боком, но хоть бы, – сказал я – и не соврал.

Дантри Танза водился с нами пару лет. Я позволил ему жить в моем доме. Потом дела пошли худо. Он спустил все состояние на древнюю книгу, «Кодекс Тарана», и двинулся на ней. Книга на акате, мертвом языке. Таран был Безымянным, жил тысячу лет назад. Теперь уже никто не может прочесть больше горсти слов на акате, да и те остались на рассыпающихся статуях и ломаных памятниках. Дантри нанял лучших лингвистов и историков, чтобы перевести кодекс. Дантри верил, что если сможет, то отыщет способ спасти Эзабет. Напрасная трата времени и денег. Глупые поиски. Я не мог выносить его постоянные разговоры о сестре, о том, что она живет, закованная в свет. Сперва я и сам верил, но время шло, вера колебалась, потом угасла. Та женщина, живая женщина, была плотью и кровью. От нее остался только фос. Всего лишь свет. Мне было больно говорить об этом.

Дантри обезумел. Он без конца вычислял что-то по чертовой книге, а я не представлял, как эти числа и закорючки вернут женщине плоть и кровь. Думаю, в конце концов, он увидел это и сам. Однажды он взял свою несчастную книгу, ушел и не вернулся. К тому времени мы так рассорились, что я два дня не замечал пропажу.

– Надо было помочь ему, – вздохнув, признался я. – Дантри был единственным, кто пытался понять, что за хрень с ней приключилась. Хоть бы он вернулся.

– Хоть бы да, – поддакнул Тнота и гнусно ухмыльнулся. – Он был единственным, на кого я по-настоящему мог положиться.

– Вот уж не сомневаюсь, – проворчал я.

4

Дожило. У меня болела нога. Я в который раз поддался на самую могучую улещивающую силу мира: детское нытье. В который раз отправляюсь туда, куда не хочу идти, притом вычурно вырядившись. Я посмотрел на себя в зеркало. Гребаный клоун.

Я не мог поверить в то, что согласился участвовать в этом чертовом фарсе.

– Портной сказал, что такое носят все дворцовые франты, – заметила Амайра.

– Ну и что? Мне из-за этого ходить черт-те в чем?

– А кружева особенно к месту. Они слегка прикрывают твой подбородок, – заметила Амайра.

– Что не так с моим подбородком?

Она тяжело посмотрела на меня. Мол, если уж ты не понимаешь, так тебе и говорить не стоит. У детей нет такта. Потому они мне и нравятся. Портной хорошо подогнал платье, но я уже долгое время не надевал вычурного барахла, и, честно говоря, был бы рад не надевать еще с дюжину лет. Или вообще до тех пор, пока не помру. Кружева, финтифлюшки, золотое шитье, туфли из кожи настолько мягкой, что она чудом не разваливается от соприкосновения с воздухом. Конечно, я носил подобное дерьмо до падения Адрогорска и опалы, но тогда я был другим человеком. У меня создалось отчетливое впечатление, что не я ношу вычурную одежду, а она меня – и ненавидит меня не меньше, чем я ее.

– Мать его! Я переодеваюсь.

Амайра разочарованно хмыкнула.

– А ты давай засовывайся в кринолин, который прислала тебе тетя майор. Пусть Валия поможет тебе со шнурками, а может, и волосы завьет.

Напевая, Амайра умчалась. Конечно, мы тут в «Черных крыльях» занимаемся серьезными делами. Но с Амайрой живее и теплее. Рядом с детьми забываешь, что неподалеку Морок, Машина и пушки.

Печально думать о том, что она вырастет и станет столь же несносным взрослым, как и все остальные.

Я сбросил чертовы тряпки и переоделся в новую униформу: черные прорезные брюки с вишневой подкладкой, узкий колет с военными пуговицами. Приличная удобная одежда для неприличной неудобной работы. Поверх я надел длинный черный фрак. Вот так намного лучше. Плюс к тому я прицепил на пояс меч. Знать носила оружие в театр не дела ради – хотя случалось и такое, – но чтобы показать вкус и богатство. Предназначение их шпажонков было не в куске стали, присоединенном к рукоятке, а в изукрашенных, вычурных, драгоценных эфесе и гарде. Я позволил кузнецу выковать для меня узорную гарду, но заставил поменять хлипкий дуэльный клинок на лезвие, способное разрубить надвое коровью голову. Не то чтобы я ожидал нападения телят-убийц, но мало ли.

– Ты выглядишь скучно! – обиженно выпалила Амайра, когда мы забрались в присланную Ненн карету.

Амайра была в красивом розово-голубом бальном платье до колен и высоких ботинках. Похоже, этот фасон никогда не выходил из моды, однако казался слишком уж взрослым для мальчишечьей фигуры Амайры – но что я знаю о нынешних детях? В далекой Испии девочек ее возраста уже выдают замуж. Правда если кто попробует такое в Валенграде, мыотрежем мерзавцу муди.

Карета покатила к абсурдному декадентскому театру, в котором развлекалась живущая в Уиллоуз знать. Перед ним рядами стояли кареты, выстроенные по рангу хозяев, с гордо выставленными напоказ гербами. Если прибывал кто-то выше рангом, кучера тут же переставляли кареты, а замученный клерк пытался решить, выше ли ранг виконта, чем ранг армейского пол-

ковника. На Границе появилась новая знать, и она куда охотней лезла в драку, чем старая. Аристократов, сбежавших во время Осады, постигла череда несчастных случаев после того, как Машина отшвырнула войска Глубинных королей. Конечно, это могло быть и случайностью, но я глубоко задумался после того, как в лесу нашли тела главы «Красной стаи» и графа Орвино, сжимавших друг друга в любовных объятиях. Скорее всего, какой-то капитан «Черных крыльев» превратил месть в игру. Я не знал, кто именно из паяцев Вороньей лапы развлекается столь кровавой работой. Впрочем, и к лучшему.

Собирающуюся публику развлекали жонглеры и фокусники. Станный выбор для пьесы о величайшей катастрофе с тех пор, как Воронья лапа породил Морок.

Самые сливки сбивались в группки. Первая ночь сезона, цена единственного билета обанкротила бы кучу мелких заведений в Валенграде, но собрались все, кто мог наскрести денег. Публика соблюдала иерархический порядок, возле каждого высокого ранга собралась кучка рангов поменьше, будто цыплята вокруг наседки. Попытка присоединиться к высшей по рангу группе считалась достойной высмеивания глупостью. Я глядел на них, и мне казалось невероятным то, что и я в свое время играл в эти игры, тратил часы на туалет и составлял списки тех, с кем нужно поговорить. Эх, амбиции. Тогда я был одним из множества молодых денди, снующих вокруг. А девушки были, словно тогдашняя Эзабет. Я избегал смотреть на них.

– А можно мне сахарную вату? – спросила Амайра, переминающаяся с ноги на ногу, чуть ли не подпрыгивающая.

Я знал, что ей можно, иначе мне не будет покоя, потому дал ей монеты, и она полетела к продавцу, будто камень из катапульты.

Сливки расступились: сквозь толпу шла маршал Границы Давандейн. Сорок пять лет, воплощенная элегантность, поразительные черты, но красота совершенной статуи – холодная, чужая. Умный портной умудрился скроить ей великолепное пышное платье, удивительным образом наталкивающее на мысль о военной форме. На темных волосах – сеточка с мрачно поблескивающими драгоценными камнями. Она лишь недавно заняла пост. Маршал Вехзель был способным, но слишком старым командиром, и восстановление наших сил подорвало старику здоровье. Он тихо умер во сне. В жилах Давандейн текла кровь сразу двух княжеских родов. На мой взгляд, чересчур густые сливки. Не хватает щепотки грязи. Однако Давандайн говорила прямо и откровенно, а это стоило многого по меркам Границы, всегда кишевшей начальствующими засранцами. А главное, что мне в маршале нравилось, так это безоговорочная вера в мощь Машины. Я – единственный смертный, знающий правду о Машине Ноля. Пара подделанных документов – и Орден инженеров эфира работает, как и прежде. Все, знавшие о несоответствиях в поставке фоса, понимавшие, что Машина работает не на нем, а на силе сердца Бессмертного – мертвы. После того, как Машина испепелила врагов, Безымянные запечатали ее ядро, заменили хранилища фоса, и все вернулось к прежнему виду. Обман сохранялся, глупцы по-прежнему оставались глупцами.

Давандейн заметила меня и подозвала, чтобы представить. Ох, как мне не хотелось вести светские беседы со свежими сливками. Рядом с маршалом стоял стройный мужчина лет сорока, темноволосый, крепкий, с короткой бородой. В бороде пробивалась седина, и это шло мужчине. Платье Давандейн так и лучилось изысканной роскошью, а мужчина был одет в простой колет из белой шерсти безо всяких украшений, а на поясе – ни меча, ни даже кинжала. Что-то в мужчине показалось мне знакомым. Где-то я встречался с ним. Давно. Далеко. Чувствуя мою растерянность, он улыбнулся мне – но странно, криво.

– Капитан Галхэрроу, позвольте представить вас губернатору Валони, лорду Тиерро – любезно сообщила меня Давандейн. – Это он стоит за Великим шпилем.

Двадцать лет назад. Мальчишеская буйность сменилась зрелой элегантностью. Но как только прозвучало имя, я вспомнил. Тьерро усмехнулся.

– Рихальт, мне кажется, ты и вообразить не мог, что увидишь меня здесь, – сказал он и протянул руку в перчатке.

Я живо потряс ее и в редком порыве сентиментальности ухватил его за плечо и позволил себе улыбнуться во весь рот. Похоже, Тьерро вылил на себя душераздирающее количество одеколона. Мускусная вонь прямо лезла в ноздри.

– Полжизни пролетело, черт возьми, – прогудел я. – Ты как вообще?

– Так вы уже знакомы? – пытаюсь не показать раздражение, осведомилась Давандейн.

Ну да, я же увел у нее сюрприз.

– Мы вместе учились в университете, – пояснил я. – И одно время служили вместе на Границе.

Я не стал вдаваться в подробности, и Тьерро тоже. Его карьера в армии кончилась не очень хорошо, а вскоре после его падения случилось и мое.

– Да, но какими же тогда мы были молодыми! Свежими, как весна, и вдвое зеленее ее. Как я рад видеть тебя!

– Я тоже, – искренне сказал я.

Все мы ищем нити, уходящие в наше прошлое, хватаемся за них и думаем, что они помогут нам выбраться из лабиринта, в который нас загнала жизнь. Давнее кажется проще и чище, потому что время обтерло с него житейские дрызги и недоразумения.

– Губернатор Тьерро недавно прибыл, чтобы руководить завершающей стадией строительства Великого шпиля, – пытаюсь вернуть роль первой скрипки в разговоре, вставила Давандейн. – У лорда Тьерро – определяющий пакет акций в Торговой компании Западного Пограничья. Капитан, вы знали об этом?

Я не знал, и новость застала меня врасплох. Компания Западного Пограничья – огромная махина, господствующая на торговых путях в колонии. За последние десять лет она накопила богатства, достойные князей. Как и мой род, род Тьерро окреп на деньгах. Но мой шел от второго сына из знатного рода, и мы не видели особенной роскоши. А Компания Западного Пограничья водила флоты, покупала и продавала целые города. Если Шпиль – проект Компании, то значит и проект Тьерро.

Вот и понятно, отчего маршал так вьется вокруг него. Несуразная пара. Она слепит глаза будто молния, а он в самой заурядной одежке. Клоуны вокруг нас таскали веера с нарисованными миниатюрными шедеврами, гарды и эфесы мечей сверкали золотыми и серебряными завитушками, блестели драгоценными камнями, которые добывали в шахтах Компании. Для человека в положении Тьерро так странно являться без оружия и свиты. Еще странней, чем в простецкой одежде. Похищения ради выкупа – у нас обычнейшее дело. А с управителя Компании можно взять немало.

– Я не ожидал, что ты вернешься на Границу, – сказал я.

Наверняка память о Границе оставалась больной мозолью Тьерро, но лучше сразу указать на скелет в шкафу. Тьерро был в Адрогорске вместе со мной, командовал отрядом снайперов. «Малыш» наслал на их позиции ядовитое облако. Тьерро повезло, и он выжил – один из немногих. Но ему обожгло легкие, и после того, как его увезли с Границы, его уволили из армии. Наверное, его сильнее ранила не отравка, а вид умирающих, задыхающихся солдат. Тьерро всегда был чересчур чувствительным. Зря он пошел в армию, поддавшись нашим глупым мечтам о славе и почете.

– Я и сам не представлял, что снова доведется увидеть чертово дырявое небо. Но судьба и вера несут нас в странных направлениях. Честно говоря, я не очень скучаю по Валони. Я отправился туда ради целебного морского воздуха, а нашел суровое место с темными лесами и кусачими насекомыми. Хотя там спокойнее.

Он посмотрел на небо. Но сегодня оно молчало.

– Ну, надо бы нам тряхнуть стариной за бокалом «сорок девятого», – предложил я.

«Сорок девятое» когда-то было нашим любимым пойлом – жуткое дешевое вино, которое хлестали все в классе. Ну, если что и осталось из того урожая, теперь, через двадцать лет, оно стоит целого капитала.

– Может, лучше за чашкой чая? – чуть скривившись, выговорил Тьерро.

Наверное, морской воздух не слишком-то и помог его обожженной груди.

– А если серьезно, то у меня есть к тебе срочное дело. Маршал говорит, именно ты здесь занимаешься ловлей людей. Мне сказали, у тебя здесь контора. Я пошлю людей, чтобы назначили встречу.

Я согласился. Давандейн не терпелось показать Тьерро знати, так что мы пожали руки и я направился в театр, надеясь удрать от мощной одеколонной вони – но, казалось, духами тут провоняло все, будто скисшим вином в трактире. Однако меня очень взбудоражила и обрадовала встреча с Тьерро. Мы никогда не сближались настолько, чтобы зваться друзьями, но хорошо знать, что хоть кто-то из твоего класса сделал себе жизнь и карьеру, достойную упоминания. А я слишком уж часто бывал на похоронах тех, кто стоял рядом со мной на церемонии вручения дипломов.

Ненн добыла места в завидной ложе, хотя и не рядом с княжеской. Из лож вокруг свисали знамена с гербами и девизами. Эх, повсюду бесконечные статусные игры. Не театр, а нужник для аристократии.

– А, да ты постарался, – изрекла Ненн, когда я ступил в ее ложу.

– Ты и сама выглядишь уж очень по-особенному, – парировал я.

Ненн даже не попыталась приодеться. Длинный кавалерийский камзол из толстой кожи, запятнанный, вытертый на локтях и у манжет, заношенные в Мороке сапоги. И никаких придворных рапир. Ненн пришла с мечом, который заказал для нее я, с крутым железом, чтобы колоть черепа, будто орехи. Она встала и обняла меня, а я разглядел ее новый нос: гладкое черное дерево, глянцевого до блеска. Но самое удивительное – запах. От Ненн обычно несло лошадьми и элем, но сегодня она благоухала не хуже любой статс-дамы.

– Поверить не могу, что ты вытащила меня глядеть на эту дрянь, – пожаловался я. – Мы будем пялиться на истории своих жизней в исполнении недоносков, ни разу в жизни не копавших канавы.

– Если мне страдать, так и тебе со мной, – ухмыльнувшись, ответила Ненн. – Познакомься-ка. Он клевый.

Ненн указала пальцем на единственного посетителя ложи, не похожего на слугу или телохранителя. Явно солдат, постарше Ненн, но помладше меня. Смазливый. Я б таким сам мог заинтересоваться в студенческие дни, когда был склонен к экспериментам. Аккуратный, ухоженный, но очень даже мужественный.

– Капитан Бетч Давиан, – представился он и протянул руку.

Я ее пожал и ощутил себя, будто папаша на первом балу своей дочки. Глупо, но как-то так.

– От города или наемник? – спросил я.

– От Вайтланда, хоть я никогда там не был. Я родился на Границе.

– Был тут во время Осады?

– Нет, я был на Четвертой станции, – ответил он.

– Наверное, жалеешь, что не был здесь во время Осады?

Бетч удивленно посмотрел на меня – и оттого сразу мне понравился.

– Я б такого никому в мире не пожелал. Я знаю, что вы были здесь, что воевали. Ненн рассказала мне, как выросла в чинах.

То есть они зовут друг друга по имени? Отлично. Значит, трахаются, а Ненн следует трахать получше и почаще.

– Самая быстрая карьера в истории, от рядового сразу до генерала, – заметил я. – А она рассказала тебе, как быстро умудрилась скатиться вниз?

Бетч многозначительно улыбнулся. Ага, рассказала, и он вовсе не осуждает. Ненн понижали на звание всякий раз, когда она лупила высокородных петушков. За четыре года Ненн скатилась от генерала до майора, но она больше предпочитала передовую, а ее людям было наплевать на ее звание. Они еще больше любили ее за разбитые носы полковников и штабных щеголей. Идиоты высмеивали ее за простую кровь, и тогда она проливала малость их крови, чтобы показать сходство. Ни у кого не хватило духу вызвать ее на дуэль – и к лучшему, потому что нам нужны образованные генералы и офицеры, пусть и засранцы.

Ненн возилась с Амайрой, будто с домашним котенком.

– Неужто ты опять притащила ей кусок дряни из Морока? – печально спросил я.

Девочка показала мне подарок: нечто похожее на комок волос. Тот прямо на глазах свился в маленькую фигурку, напоминающую идущего за плугом фермера. Затем комок развился – и снова сделался фермером. Кусок бессмысленной страшной магии из Морока.

– Только не вздумай подносить ко рту, – предупредил я и занялся поисками местного вина, чтобы скрасить ожидаемо нудный вечер.

К моему удивлению, пьеса оказалась не такой уж ужасной. Наверное, автор побывал в Валенграде, когда город отстраивался после Осады. Главный герой – маршал Венцер, мучимый дилеммой: включать или не включать Машину, ждать ли до последнего момента, чтобы защитить еще и станцию Три-Шесть. Так мы и рассказали народу. Маршал Венцер повесился, когда Машина отказалась работать, но этого не знал никто, кроме меня. Должно быть, в конце пьесы мы увидим, как он держится до последнего на стене и погибает, овеянный славой.

– Кстати, ты заметил – нас в пьесе нет, – указала Ненн.

Когда пара молодых любовников на сцене начала целоваться, Ненн наклонилась и заорала:

– Давай, ребята, шевели языками!

Актеры с юмором относились к постоянным выкрикам Ненн, а кое-кто из сливок пожиже даже и взялся подражать, к смущению и раздражению собутельников и аристократов постарше, успевших остепениться. Вопреки насмешкам, я заметил слезу на щеке Ненн, когда любовника убили драджи. Ненн поспешно скрыла слезу ремешком от носа.

– Ты не против, если я поболтаю по делу? – спросил я.

Ненн глянула на своего красавчика. Тот стоически выносил поток вопросов Амайры, вовсе не интересовавшейся пьесой, держался молодцом и дал нам шанс спокойно поговорить.

– Ну давай.

– Помнишь, когда «малыш» оживил мертвецов и послал на стены?

– Трудно забыть.

– Так вот, у меня в морге мертвец, которого я уже пристрелил три недели назад. Два дня назад этот мертвец еще говорил и ходил. Как думаешь, кто-нибудь может такое без метки Глубинного короля? Способен ли маг поднимать трупы?

– Будто куклу? – спросила Ненн.

– Будто полноценно воскресшего, – ответил я.

Она задумалась.

– ...Хм, колдуны творят всякое. Спиннеры просто самые распространенные колдуны, но и они учиняют со светом всякое диво. У меня есть в батальоне спиннер, умеющий лепить зеркала из песка.

Ненн поколупала щепкой в почернелых зубах.

– Но чтобы воскрешать мертвых? Одно дело – заставить тело двигаться. Совсем другое – вернуть жизнь. Сомневаюсь, что на такое способен даже Глубинный король.

Я посмотрел на ворона, красующегося на моем предплечье. Он – моя плата за то, что я захотел вернуть человека к жизни. Почти воскресить. Но «почти» не считается. Мертвые не воскресают.

– Ну да, – неохотно согласился я. – Я пришел к такому же выводу, но услышать подтверждение никогда не вредно. Дело становится еще мутней. Девлен Майль отправился кормить червей, и с ними должен был остаться. Единственное, что я знал наверняка об убийцах Левана Оста, было еще менее осмысленным, чем дурацкие танцы на сцене. Я протянул руку к бокалу, попытался согнуть пальцы и поморщился от боли. Пальцы не слушались. Я потрогал правую руку левой. Пальцы стали холодными, как ледышки, побелели, сделались будто кость, холод пополз выше.

– Вот дерьмо!

– Что не так? – спросила Ненн.

– Не знаю.

Я скривился. Холод пополз до локтя. Выше рука осталась обычной, теплой. Ниже кожа приобрела мерзкий синюшный оттенок. В затылке родилась саднящая боль. В руке зашевелилось что-то чужое, чего раньше не было. У самой кости.

– Вот дерьмо! – повторил я. – Вам придется извинить меня.

С этими словами я выскочил из ложи и побежал искать туалет. При нем дежурил слуга в приличном красном дублете, сунувший мне политое духами полотенце. Я взял его, забился в кабину и закрылся, присел на скамью – а в руке зашевелилось страшное, острое. Я обнажил кожу и как можно выше закатал рукав. Черт возьми, отличная была рубашка.

Ну, по крайней мере, холод смягчит жуткую боль.

До некоторой степени я оказался прав. Болело сильно, но по-другому. Обычно рука горит огнем, кожа размягчается, и птице легче продрасться наружу. Теперь кожа оставалась холодной, твердой, птица лезла долго и мучительно. Казалось, она сама вот-вот бросит дурацкую затею. Из раны необычно медленно текла холодная кровь. Она не должна так течь у живого человека, уж поверьте. Кровотечений я навидался.

Тварь проткнула клювом кожу, полезла наружу, а я понял, что с этим посланцем Вороньей лапы что-то не так.

Обычно они выдирались со свирепой радостью, и, довольные, каркали приказ. Этот выглядел маленьким и квелым и не мог просунуть в дырку крылья. Я ухватил птицу, вскрикнул, вытащил наружу. Тварь вылезла из раны с мокрым чавкающим звуком.

– Сэр, с вами все в порядке? – крикнул встревоженный слуга.

– В порядке, – тут же отозвался я, хотя в мозгу искрило от боли, и я едва мог вдохнуть. – Отвяжись и дай мне спокойно облегчиться!

– Хорошо, сэр, – с сомнением выговорил слуга.

Я посмотрел на присланную птицу. Калека. Одна лапа ссохлась, не хватает половины перьев, глаз застлан молочной пленкой. Кривая сухоногая тварь. Она сверкала, будто покрытая инеем, перья намертво смерзлись. Ворон открыл клюв, но вместо послания оттуда вырвались только шипение и треск, будто кинули в огонь пригоршню сосновых игл, и они сейчас стреляют и корчатся.

– ГАЛХЭРРОУ, – выдавил ворон. – ...КОРОЛИ ПЫТАЮТСЯ... ОКЕАНСКОГО ДЕМОНА... УПРАВЯТСЯ...

Накатила волна треска, здоровый глаз закрутился в глазнице, будто мозг поехал на карусели.

– ЗАХВАТИЛИ... МОЮ КЛАДОВУЮ...

Снова ничего не слышно из-за помех. Наконец, помехи отхлынули, и раздосадованный голос прорычал:

– ВЕРНИ ЕГО! НЕ ЗАВАЛИ ДЕЛО!

В общем, не самое информативное из стариковских посланий. Я ожидал, что птица сгорит сама по себе, как они всегда раньше делали, но этот лишь хлопнулся набок и странно повернул голову. Я потряс птицу. Ну, ведь мертвая же, нет слов.

– Сэр, я вызову помощь, сэр, – заикнулся перепуганный слуга.

– Я в порядке, – заверил я, но он уже ушел.

Я кинул заиндевелую птицу в толчок, и постарался полотенцем собрать как можно больше крови. Когда птица исчезла, рука начала оживать – и это было скверно. Я ощущал рваные края раны, разорванные мышцы, ссаженные кости. Хоть и выздоровею через час, пока мне нужно вино. Я залил кровью пол и штаны. Когда ей полностью пропиталось и благоуханное полотенце, я и его швырнул в толчок. В голове стучал молот, холод ушел из руки, и она запылала от боли. Хорошо, что слуга не видел, как я вываливаюсь из кабинки. Что он подумает о крови на плиточном полу, трудно представить.

Хоть меня и трясло, я постарался быстрее вернуться в ложу. Ворон многого не сказал, но я понял главное: что-то взяли из склепа, где Воронья лапа хранил свои безделушки. У меня по шкуре побежали мурашки. Как такое в принципе возможно?

Глянув на мое мокрое от пота лицо, Ненн с тревогой спросила:

– Неожиданный гость?

Я заграбастал бутылку вина и в рекордное время вылакал почти всю. Руку кололо так, будто я валился в логово дикобразов. Должно быть, Ненн предупредила любовника насчет меня, и потому он не задавал вопросов, но пиялся на абсурдного кукольного монстра на сцене и умело отвлекал Амайру объяснением его работы. Я понял, отчего он нравился Ненн.

Я уже собирался рассказать, в чем дело, как в ложу вломился парень в плаще поверх мокрой от пота униформы солдат Цитадели, раскрасневшийся, хватаящий ртом воздух. Видно, бежал со всех ног.

– Капитан Галхэрроу, со мной, срочно!

– Что случилось? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Сир, это склеп Вороньей лапы! Его взломали!

5

Если вы – бессмертный колдун, способный превращать в пыль города и пробивать дыры в небе, вы неизбежно накопите за века жизни кое-какие безделушки: сентиментальные мелочи, сувениры из далеких стран, жуткие орудия варварской мощи – все как обычно. Собранная Вороньей лапой коллекция мрачных реликвий из самых тяжелых моментов нашей истории хранилась в подземелье в нескольких милях от города. И хранили ее не столько солдаты, сколько заклęcia самого Безымянного. И никто, кроме подобных ему, не мог бы взломать хранилище.

– Капитан-сэр, я хочу с вами! – хмуро объявила Амайра. – Я ведь тоже «Черное крыло». Я должна!

– Ты не «Черное крыло», а горничная при «Черных крыльях», – сурово одернул я. – Чувствуешь разницу? И будь благодарна за нее. Оставайся с капитаном, и он проводит тебя домой, когда закончится представление.

– Но вы же пропустите финал!

– Не беспокойся, я знаю, чем все кончится.

Капитан Бетч кивнул мне, Ненн что-то прошептала ему на ухо, он рассмеялся, Ненн лукаво улыбнулась ему. Затем мы отправились вслед за солдатом Цитадели.

Снаружи ждала карета. Потный молодой офицер не дал больше никаких объяснений. Очевидно, ему приказали не раскрывать рот лишний раз. Мы помчались из города как умалишенные. От вина, потери крови и проселочной дороги, не слишком подходящей для городской кареты, дурнота накатывала всякий раз, когда выбоины пытались выкинуть меня наружу.

Мы ехали в Нархайм. Я ненавидел это место.

Машина защищала Границу четыре дюжины лет. В это время Воронья лапа появлялся лишь изредка и ненадолго. Но однажды, задолго до моего рождения, три года он почти безвылазно сидел тут. Он жил в усадьбе невдалеке от города, в огромном роскошном особняке, отличавшемся фантастической вульгарностью. Воронья лапа никогда не объявлял о своем намерении бросить жилье – просто перестал там появляться. Никто не знал, почему, и само собой, никто не торопился занять пустующий дворец. Даже самые отчаянные воры не решались заглянуть внутрь, польстившись на канделябры и артистично выточенные кресла.

Мы вкатились на заросший травой гравий аллеи. Там уже стояла вереница карет, а поблизости, похоже, ожидал целый кавалерийский полк. Солдаты нервничали, сидели в седлах с саблями на плечах.

– Как твоя рука? – спросила Ненн.

– Болит. Воронья лапа пытался рассказать мне про кражу, но его посланец не смог нормально передать новость.

– И что бы это значило? – спросила Ненн.

Нам отдавали честь встречные, Ненн салютовала в ответ, я просто кивал.

– Не знаю. Но точно ничего хорошего.

Ненн фыркнула.

– Тебе следовало давным-давно вырезать чертову штуку. Дай мне нож, и я займусь этим прямо сейчас.

– Уж поверь мне, не стоит, – посоветовал я. – Тебе будет скверно.

Ненн удивленно посмотрела на меня, но я не захотел комментировать сказанное. Однажды, когда стало невозможно, я попытался вырезать ворона. И узнал, что Воронья лапа позаботился о сохранности своего знака. А меры противодействия у Безымянного простейшие: бац, и нет нарушителя. В том случае – меня. Ну, почти.

У входа стояла охрана. Офицер провел меня с Ненн за огромные двойные двери. Там все оставалось нетронутым, покрытым толстыми слоями паутины и пыли – серым саваном для блистательного покойника. Здешняя охрана предпочитала ни до чего не дотрагиваться без крайней нужды, и потому внутри было холодно и затхло. Несло мертвечиной. Покрыт толстым слоем пыли ковер, на нем звериные следы. Пусть люди и боялись залезть в дела Безымянного даже на йоту, крысы и лисы подобных страхов не испытывали.

– От этого места обоссаться можно, – призналась Ненн.

– Ты проводишь все время в Мороке, ищешь безделушки для Амейры, а от старого дворца у тебя волосы дыбом?

– Морок – штука простая. Если там на тебя и лезут уродцы, тычешь в них острым, и они дохнут. А Нархайм будто вывалился из времени. Плюс к этому, всегда может заявиться сам-знаешь-кто и поймать нас лазающими по его дворцу. Говорят, когда он исчез, все его слуги умерли за год. Целых полсотни: служанки, садовники, даже парнишка, присматривавший за собаками – просто ссохлись и скончались.

– Люди болтают много всякого дерьма, – указал я. – Я слышал историю про то, что вы с Железным козлом были любовниками. И то, что ты – его внебрачная дочь. А когда-то ты была искилианской княжной.

– Люди говорят, что и ты странный. И точно, болтают много всякого дерьма, – парировала Ненн.

Мы разговаривали так, потому что нервничали. Дело не только в пыли или темноте. Дом словно умер, а мы ступали по царству мертвых. Я бы не удивился, если бы из пола поднялся разъяренный призрак матери и проклял меня. Может, я увижу, как моя жена швыряет детей с балкона, или Леван Ост придет и спросит, почему я не постарался как следует защитить его?

Молодой офицер свел нас вниз по винтовой лестнице. Внизу нас встретила маршал Давандейн. Ее синее с золотым шитьем платье выглядело по-дурацки среди сумрака, смерти и пыли. Театральный наряд оскорблял здешний покой.

– А, капитан. Замечательно, – выговорила маршал и изобразила удивленный взгляд при виде Ненн. – Майор, я не посылала за вами. Командор, зачем вы привели ее?

– Пьеса была скучная, – сообщила Ненн.

– Вы когда-нибудь пытались переубедить Ненн? – риторически осведомился я.

Конечно, это не объяснение для маршала Границы. Но ведь Ненн уже здесь, и вряд ли стоит из-за этого спорить. Похоже, Давандейн думала так же.

– Идите за мной, – сказала она и повела нас по подвалу.

Туннель был рассчитан на средний рост, так что Ненн пришлось нагибаться, а мне без малого ползти на четвереньках. А гадкое предчувствие внутри разрослось и затвердело. Я кое-что спрятал здесь после Осады.

Око Шавады.

Тварь, много лет жившую в глазнице княгини Хероно.

– Вот же дерьмовое дерьмо, – прокомментировала Ненн.

Коридор привел в зал со сводчатым потолком и огромной дверью в дальней стене. А перед ней – лужа. Ее мимо воли оставили бывшие тут стражники. А, верней, то, что от них осталось. До меня не сразу дошло, в чем дело. А потом я ощутил знакомый ядовито-сухой, мертвенный, неестественный запах.

– Сколько здесь было людей?

– Двенадцать, – холодно и зло ответила маршал.

– Все тут? – спросил я.

– Трудно сказать, – ответила Давандейн.

Она обвела взглядом куски мяса, когда-то бывшие отцами, братьями, дядьями и сыновьями. От вида сворачивающейся крови выпитое вино попросилось наружу. Настоятельно.

Тела были расчленены со странной точностью: аккуратно, упорядоченно разделены на куски, будто говядина для бульона. Я грохнул достаточно бедолаг и знаю, что прикончить человека не составляет труда. Проткнуть или немного порезать – и готово. А вот разделить руку на три-четыре части – это немалая работа. Тот, кто учинил здесь бойню, постарался на славу.

– Вы сосчитали головы?

– Их только девять. Но двадцать три ступни.

Ненн посчитала на пальцах. Она не отличалась талантом к математике. Я подождал, пока до Ненн дойдет.

Когда дошло, она нахмурилась.

– Что их убило? – спросила она.

– Мы не знаем. Но посмотрите сюда, – предложила Давандейн и указала на изуродованную голову.

Глаза закатились, кровь потоками лилась из носа, рта, ушей.

– Напоминает психочервей, – заметил я.

– Малыш? Здесь? – буркнула Ненн.

– Не исключено. Убийца зашел в гробницу и покинул ее прежде, чем мы успели ответить на сигнал тревоги.

Спокойно зашел, взял, ушел. Это пугало куда сильнее, чем останки солдат и мысли о пропавших головах. Цитадель держала стражу у склепа больше для проформы, давала работу старикам-ветеранам, чтобы прибавить к пенсии – если, конечно, те могли вынести старое жилище Вороньей лапы. Вряд ли старики надевали доспехи чаще раза в год. Судя по тому, как оно обернулось, надевать их следовало гораздо чаще. Хотя доспехи могли и не помочь.

– Они успели передать сообщение?

– Нет, но смогли нажать, – сказала Давандейн и указала на рычаг в стене. – Сигнал пошел в Цитадель. Эту систему не трогали уже полвека, и никто сначала не понял, отчего завывала сирена. Инженеры разбирались двадцать минут. Когда разобрались, сюда примчался Четвертый полк, но убийцы и след простыл.

Ненн закинула лакрицу за щеку, пару раз сомкнула челюсти. Еще одна мерзкая привычка.

– Вы все говорите: убийца, убийца. А может, их не кто-то убил, а что-то? Я видала в Мороке тварей, способных на такое. Дульчер может уходить за раз толпу крепких ребят. Дульчер – это у которого сплошь голова. Как муравьиный лев.

– Эти твари не вламываются в склепы, – указала Давандейн.

Она была в дурном настроении. Наверное, принимала близко к сердцу. Может, она послала сюда старых друзей, в награду за долгую верную службу, чтобы спокойно досиживать за приличные деньги. Или в этом роде. Лучше не спрашивать.

Чтобы ломиться в склеп Вороньей лапы, надо иметь нервы гораздо крепче, чем у меня. Таких и не отыщешь по нашу сторону ада. Даже у «малыша». Я проверил, как легко вынимается меч из ножен. Хотя какой прок от железа, если поблизости мелкий монстр?

– Что они взяли из склепа? – спросил я.

– Затем вы и здесь, чтобы рассказать нам. Как я поняла, у вас особые отношения с Безымянным. У вас меньше всего шансов превратиться в фарш при попытке зайти в кладовую.

М-да. Лицо игрока в покер. Ни тени улыбки. Может, это была не шутка? Давандейн пома-нила пальчиком – идите, мол, – и мы захлопали через лужу.

На склепе – толстая дверь из железа и бронзы, напоминающая ту, что защищает вход в Машину Ноля. Как и там, никаких видимых путей ее открыть: ни ручки, ни поворотного колеса. Просто большой плоский диск, казавшийся чуточку смещенным.

Я встал около него и присмотрелся.

– Охранники были здесь только для того, чтобы отвадить любопытных, – заметил я и принохался.

Да, знакомый запах, сухой и кислый.

– Настоящей защитой были оставленные Вороньей лапой заклятия. Чтобы пройти внутрь, мне понадобится помощь.

– Хотите спиннера?

– У меня есть свои средства. Большинство из спиннеров нового поколения, скорее, отождет себе причиндалы, чем обезвредит ловушки Безымянного. У меня на примете есть кое-кто другой. Я хочу, чтобы вы все мотали отсюда и держались подальше. И ушлите конников. Они привлекают внимание. А его нам вовсе не нужно привлекать.

– Хотите принять командование?

Давандейн – жесткий и сильный командир. На ее плечах лежит вся Граница. Маршал привыкла командовать тысячами людей. Но в ее голосе прозвучало облегчение.

«Хотите» – не совсем подходящее слово. Но я кивнул. Лучше уж в моих руках, чем в чужих.

* * *

Тнота вынес из кареты пьяного Малдона. Солдаты убрались еще несколько часов назад, к моей немалой радости. Ни к чему им видеть, в каком состоянии наше мелкое дерьмо. Я часто под хмельком, но я могу функционировать и таким, а Глек давно ушел в то место, откуда на все начхать.

– Я целый час потратил на кражу этой бутылки, – пожаловался недомерок. – Оно трудно, когда нет глаз.

Голос плавает. Стервец пьян в дупель.

Глек выглядел на десять лет, хотя шарф, намотанный на оставшуюся от глаз дыру, маскировал возраст. Я подобрал для Малдона простую хорошую одежду, надежно прикрывавшую его тощее костлявое тело. Теперь она свисала грязными лохмотьями. Сквозь расстегнутую рубаху виднелась безволосая цыплячья грудь. Черт, а ведь взрослый Глек Малдон был ужасающе волосатым.

– Ты ж знаешь, что можешь взять бутылку прямо из моего бара, – сообщил я. – Он под настенными часами. Можешь все, кроме южного белого.

– И что в этом забавного? Джентльмен должен забавляться! – объявил он и сухо, безрадостно ухмыльнулся.

Ухмылка выдавала настоящий возраст существа с такой юной кожей.

– Тогда и не жалуйся! – огрызнулся я. – Если сегодняшней ночью сделаешь что надо, я налью тебе полное брюхо виски. Ненн уже рассказала тебе, какой расклад?

– Мертвая стража, взломанный склеп, риск для сокровищ Вороньей лапы и тому подобное дерьмо, – изрек Мальдон, споткнулся о мостовую и с минуту крутился и барахтался в попытках встать.

– Ты уверен, что он в его нынешнем состоянии хоть как-то нам поможет? – осведомилась Ненн.

– Я в единственном состоянии, когда могу и хочу помогать, – прохрипел слепой ребенок. – То есть в состоянии, в котором хочу пребывать до конца моей бесконечной жизни.

Он смачно отпил из бутылки, слишком большой для детских рук. Я гораздо чаще видел Глека пьяным, чем трезвым, но вид бутылки по-прежнему раздражал. К тому же Глек когда-то был очень умным.

– Ладно, пойдем уже, – сказал я. – Это дело для нас с тобой.

Малдон глубоко вдохнул.

– Знаешь, я чувствую даже отсюда. Оно затекло и осталось, как фабричный дым зимой. Воронья лапа... ух...

Он вздрогнул. А я задумался – и уже не в первый раз – над тем, так ли уж отличаются Глубинные короли и Безымянные. Сила Шавады дышала отравой в искаленном теле Малдона несколько месяцев. Потом я заключил сделку и освободил Глека. То, чего я сейчас от него хочу – трудно. Кое-кто сказал бы, что и жестоко. Но мой господин гораздо более жесток.

– А это знакомо, – скривившись, пробормотал Глек, когда мы спустились к останкам.

– Я не дам тебе ступить ни во что хлюпающее, – пообещал я. – Я знаю, что к крови никогда по-настоящему не привыкнешь.

– Да не в этом дело. Когда чувствуешь, как твоя кровь закипает внутри черепа, чужая больше не волнует. Тут воняет древней жуткой магией. Она висит в воздухе, будто туман. Ты разве не чувствуешь ее?

Я немного подумал, нахмурился.

– Магией «малыша»?

– Она похожа, но другая. Магия «малышей», будто река в паводок – ледяная, но брызжащая насилием. А тут что-то похожее на ледник: спокойное, застывшее. И мощное.

Малдон вылакал свое пойло и отшвырнул бутылку. Та покатила в подсохшую кровь. Глек Малдон был сильнейшим спиннером на границе перед тем, как княгиня Хероно предала его Шаваде. Но когда я вырвал Глека из лап Шавады, ободрал магию «малышей», спиннерские способности ушли вместе с ней. Глек однажды признался мне, что потерять силу хуже, чем лишиться глаз. Их я вынес из головы Глека мушкетной пулей.

Только святые духи знают, как Малдон пережил такое увечье. «Малышей» всегда очень трудно убить. После Осады я с дюжину раз подумывал о том, чтобы перерезать Малдону глотку. Может, я оказался чересчур сентиментальным, или меня достало убивать. Ну, в общем, я рад, что не прикончил его тогда. Глек оказался полезным. Трудно сказать, свихнулся он окончательно или сделался попросту исключительно вредным. Тнота с Ненн считали, что Глека нужно кончить. Но, как по-моему, в изуродованном детском теле Малдон больше никому не мог навредить всерьез.

Я показал Малдону приоткрытую дверь. Он остановился перед ней и, хоть и был пьяный вдрызг, явно что-то ощутил. Он вздрогнул, медленно, тяжело задышал.

– Оно было под сложными мощными заклätьями, – буркнул он. – Не знаю, что сюда повесил Воронья лапа, но даже от остатков мои яйца лезут из мошонки в брюхо, пусть их и всего ничего, этих яиц. Если бы кто-нибудь попытался проломиться сюда, не обезвредив заклätия, то здесь бы и остался – скорее всего, размазанным по стенам.

– Да с какого хрена кто-то вообще смог взломать заклätия Вороньей лапы? – хмурясь, спросила Ненн.

– Ты что, спрашиваешь меня, понимаю ли я магию Безымянных? – хихикнув, осведомился Малдон. – Так вот, я не понимаю. Тут надо спрашивать не «как», а «кто». В этом мире немногие могут сломать его заклätие. Конечно, есть и другие Безымянные. Да и Глубинному королю не составило бы труда справиться с парой статичных заклätий. Но если бы сюда явился король, у нас бы появились проблемы похлеще этой.

– Но кто-то же сломал, – указал я.

– А как насчет обычного колдуна? Спиннера или «немого»? – спросила Ненн.

– Вряд ли. В принципе, ковен мог бы справиться, шесть-семь работающих вместе сильных колдунов. Хотя я не представляю, как бы они подступились к заклätию. Сила Вороньей лапы – другой природы, чем наша магия.

– А «малыш» мог бы сломать заклätие? – спросил я.

– Возможно. Но нужна большая сила. А большинство сильных попало под Машину. Конечно, с тех пор могли наделать новых, но кто рискнет тягаться с чарами Вороньей лапы просто для того, чтобы залезть в здешний подвал? Тут же ничего ценного.

– Тут было ценное. Я его туда принес, – сообщил я. – Как думаешь, мы можем зайти внутрь? Нас не размажет по стенам?

Малдон поджал плечами, а затем взял и шагнул за дверь – то ли из пьяной храбрости, то ли в надежде покончить с постылой жизнью. Он казался почти разочарованным, когда его не вывернуло наизнанку. Я привез Малдона для того, чтобы он рассказал мне об опасности, а не вместо лабораторной крысы.

Я ступил за круглую дверь. На меня будто хлынуло что-то нечистое, но ощущение быстро прошло. Визитка мертвой магии моего босса.

Склеп осветился автоматически. Затрещали трубки с фосом, и ровный голубой свет залил ряды пьедесталов с вещами, которые Воронья лапа хотел скрыть от мира.

– Что за хрень? – буркнула Ненн, ощутившая движение в сумраке у дальней стены.

Там барахталось что-то живое, прибитое к месту.

– Не обращай внимания, – сказал я. – Это для нас не важно. Ни к чему не притрагивайся. Входное заклятие сломано, но на каждом пьедестале наверняка тоже сюрпризы. Смотри, но ничего не трогай, каким бы блестящим оно ни было!

Ненн оскалилась и сплюнула на пол черной жижей. И ничего, что господин майор в самом святилище Безымянного. Скорее можно научить лошадь стихосложению, чем мою Ненн – хоть каким манерам.

Все тут выглядело почти так же, как и во время моего последнего визита. Я пришел сюда, чтобы оставить глаз Шавады. И я знал, что, несмотря на множество диковин вокруг, пропал именно он.

На первом пьедестале – странная фарфоровая кукла. Открыт лишь один глаз, и он медленно поворачивается, следит за нами. На втором – шестиструнный музыкальный инструмент с чужеземной надписью. На третьем – хрупкий и позеленелый бронзовый меч, чудесным образом стоящий вертикально, опирающийся лишь на кончик острия. На четвертом и пятом – часы, показания стрелок невозможно прочесть. На шестом просто кучка серой пыли.

Ряды пьедесталов тянулись вдаль. Квадратная решетка двенадцать на двенадцать. Я знаю, что на них все – опасно, таинственно и не для наших рук. А Ненн все не могла оторвать взгляда от дальней стены, где двигалась странная тварь.

– Да что это? – спросила Ненн.

– Не знаю. По-моему, оно так же трепыхалось и тогда, когда я заходил сюда в прошлый раз.

Тварь формой напоминала человека, с головы до ног обмотанного бинтами, с руками, плотно прижатыми к груди. Тварь отчаянно дергалась, пыталась высвободиться из смиренной рубашки.

– Кто это?

– Лучше не задумываться, – посоветовал я. – Может, монстр из Морока. Или кто-то, разозливший босса. Я понятия не имею. И не хочу иметь.

– Оно вообще разумное?

– И про это лучше не задумываться.

Я прошел мимо растений в изукрашенных и простых горшках, аквариума с подмигивающими рыбьими глазами, пыльной книги в переплете из дубленой кожи. Книга прошептала мое имя. Я остановился у пустого пьедестала. Недавно он не был пустым. Я сам поставил туда трофей.

– Оно было здесь? – спросил Малдон и попятился от пьедестала, оскалил зубы. – Я его чувствую. Оно как эхо его смерти, та самая сущность, что он вливал в меня. Это Шавада.

В ноздри вдруг ударила вонь грязи из канала, тошный ком толкнулся в глотку.
– Да, – подтвердил я, – тут было Око Шавады.
– Та самая дрянь, что вылезла из глазницы Хероно? – осведомилась Ненн.
– Она самая. Мы отнесли ее сюда. Эта дрянь была единственной по-настоящему ценной вещью здесь. И она пропала.

6

Я поставил Валенград на уши и выбил всю подноготную. Под моей рукой была дюжина крепких ребят, моих «галок». Старший – Кассо, спокойный громила, все время кривившийся и редко разговаривавший. За ним по старшинству – Меара и Трауст. Их я нанял за размеры и внушительность, а не за особые умения. Я дал им всем право делать что угодно, и плевать на жалобы. Но пока «галки» только приносили в мое логово грязь да пытались меня задобрить.

Маршал Давандейн дала мне солдат, но со всей маршальской конницей и всей маршальской ратью я не смог отыскать ни Око, ни воров, взявших его. Давандейн поставила полсотни хороших солдат и двух «спиннеров» в доме Вороньей лапы, потому что открытая дверь в склеп не сулила ничего хорошего. Я предложил взорвать проход в дом пороховым зарядом, но маршал боялась разозлить Безымянного, пусть он и давно забросил свое обиталище. Я утешал себя мыслью, что оставшиеся сокровища Вороньей лапы наверняка полны сюрпризов для воришек. Превратить в головешку или выдернуть кости из тела вполне в стиле старого колдуна. Дверь – пустая формальность. Воров сдерживают заклятия.

Однако нашелся вор, сумевший избежать смертоносного заклятия моего босса, и уж точно не самого слабого. Вор хорошо понимал, что делает. Распутывающая заклятие магия была на уровне, далеко превышающем понимание Малдона, и это меня по-настоящему встревожило.

– Рихальт, доброе утро, – сказала Валя, явившись в офис.

Четыре часа утра, город окутан серой пеленой медленного дождя. Полумесяц Эалы – единственное, что рассеивает утренний сумрак, толстое одеяло облаков заслоняет Морок, глушит золотое сияние луны.

А хуже всего то, что невозможно достучаться до Вороньей лапы. Он исчез, ушел куда-то по делам войны. Он немного покрутился здесь после Осады, пока Ноль восстанавливал Машину. Но теперь из сокровищницы унесли Око Швады, и попытка рассказать мне об этом – а он точно хотел связаться со мной, послав мороженую ворону – едва удалась. И как это понимать? Одно утешение: и головомойки от Безымянного, судя по всему, пока не будет.

– Доброе в нем еще надо найти, – буркнул я.

Голова ныла, и хотелось пожевать чего-нибудь жареного, истекающего горячим жиром.

Порадуйся, – объявила Валя и сунула мне пакет вошеной бумаги с парой пирогов.

Пироги малость приплюснуло – Валя несла их под плащом – но выглядели они аппетитно. Масло и копченый бекон. Замечательно.

– Это зачем? – спросил я.

– С тобой лучше, когда ты не голоден. А голоден ты всегда. Просто сам этого не понимаешь.

Я не стал спорить – я жевал. Бекон оказался жестковат, но я не жаловался.

– Ты спал прошлой ночью?

– Прикрыл глаза на пару часов.

Валя наградила меня укоризненным взглядом. Она тоже взялась за пирог, но ела его без особого интереса.

– Ты ходил домой?

– Слишком много работы, – напомнил я.

Валя нахмурилась, но промолчала, потому что поняла. Она – одна из малой горстки людей, способных меня понять. Борьба с врагом на Границе важнее отдыха. Валя тоже воюет – бумагами, словами. Я никогда не видел ее с мечом в руках, но если бы она решила управлять фабрикой вместо того, чтобы воевать с Глубинными королями, то за неделю удвоила бы выпуск продукции.

– Что ж, работы прибавилось. У меня новости.

Если новости у Тноты, это обычно значит, что он обнаружил свой потерянный носок. Когда новости у Малдона, это значит, что он опустошил мой бар или хочет кого-нибудь прикончить. Но новости от Валии стоят внимания всегда.

– Светострел сделали в Ленниграде. Я проверила клеймо изготовителя. Мастерская Беша Флиндта. У него большое дело, светострелы собирает целая куча подмастерьев.

– Беш – хороший мастер, – хмурясь, заметил я. – Но я слышал, что он обанкротился, вылетел из дела и сейчас в долговой тюрьме. Какого хрена ему браться за светострелы?

Валия протянула руки к плите. Рукава задрались, обнажили татуировки цветов на предплечьях: чудесную, искусную, ярко раскрашенную работу, совсем не похожую на мешанину грубых солдатских наколок, полученных мной за годы в Мороке.

– Он умудрился выкарабкаться и теперь процветает. Мой столичный контакт сообщает о том, что продажи бьют все рекорды.

Я уставился на кофейную гущу на дне кружки. Светострелы вышли из моды еще до моего рождения, и по веской причине. И вдруг люди очень захотели их. Может, владеть светострелом стало престижно? Городские хлыщи – рабы моды. Однако Девлен Майль изрядно проторчал на Границе. Он вовсе не городской хлыщ.

Я посмотрел на Валию и увидел, что она улыбается.

– Что такое?

– Ты высовываешь язык, когда задумываешься. Ты не думай слишком усердно. Для этого тут есть я.

Я против воли улыбнулся. Уж она понимает, как вращаются мои шестеренки. И нравится мне за это. Мне вообще в ней многое нравится.

– Спасибо, – сказал я.

– Я знаю, это иногда с трудом укладывается в голове. И понятно, отчего. Ты хочешь все делать сам. А ведь можешь позволить другим снять с тебя чуточку груза. Других тут много. Ты ведь не Безымянный. Жизнь – это не только драка.

Валия написала адрес на листке бумаги.

– Скажи им, что тебя послала я, – посоветовала Валия и ушла – за ее спиной покачивались полы длинного плаща.

Я приложил пальцы к глазам, и мне захотелось вдавить их в череп. Черт возьми, как же я устал! За окном – сплошная серость, а в голове целое облако копоти, мешающее думать. Пары часов беспокойного, дерганого сна мало. Я честно пытался уснуть, в мозгу кипело и трескалось, и из варева лезли те же самые кошмары. Я видел женщину, заключенную в свет.

Я расслабился, позволил своей неизбывной усталости навалиться, а себе – провалиться в ее пустоту, лишь на пару секунд. Или минут. Или...

– Ты ж ее хочешь, – сказал мелкий засранец.

Малдон стоял, привалившись к дверному косяку, и гнусно ухмылялся. На губах – черные пятна. Стервец не отлипал от бутылки с рассвета.

– Она конфетка. И тебе она нравится. У тебя слабость к одержимым работой увечным бабам, – изрек Малдон.

В пьяном виде он постоянно говорил гадости. То есть он говорил их всегда. Я временами жалел о том, что всадил пулю не в ту часть черепа. И сейчас настали как раз такие времена.

– Выкажи ей хоть толику уважения, – буркнул я, и запоздало понял, что дал новый повод поглумиться. – И с какой стати ты выполз из винного подвала?

– Что, в точку попал? – ласково осведомился Глек.

Затем он уселся перед камином и присосался к бутылке, поперхнулся и закашлялся.

– Если у тебя ничего нет для меня, катись в свою нору, жалея себя дальше и не мешай работать, – проворчал я, взял отчет со стола и попытался сосредоточиться.

В последние дни стало тяжелее читать. Может, следовало обзавестись очками. А может, я просто уже до ручки дошел. Я посмотрел на счет, моргнул. Я ведь прочитал его уже два или три раза – но смысл ускользал. Вот же черт. Смеяться тут или как?

– Гляди, – сказал я и поднял лист, чтобы Глек увидел. – Меня из-за тебя обкладывают налогом. Маршал придумала налог на детей. Мол, на вас уходят общественные фонды. Подумать только, налог на детей! Давандейн изо всех сил старается растерять популярность.

Я скомкал бумажку и швырнул в огонь. Они и свои задницы предложат, если посулить достаточно денег. Надо попросить Валию, чтобы написала декрет об исключении для всего персонала «Черных крыльев» и их родных. Правда она не любит Малдона, а я не хочу, чтобы она занималась им. Меара и Трауст не годятся для такой работы, а Тнота обращается с пером хуже, чем с мечом.

– Я стою каждого потраченного на меня пенни, – объявил Малдон. – Я – благословение. Ведь так говорят про детишек, ха-ха. Нас послал вам Дух радости. Так что радуйся.

– Тебя сотворил совсем не Дух радости, – заметил я.

Это было жестоко. Но раз лезешь в драку – получи и распишись.

– Напиши мне билль об освобождении от налога, и я все сэкономленные деньги отдам тебе.

Малдон потерял глаза, но это не значило, что он не мог писать и видеть. Чертова магия.

– Оно прельстиво. Но я не могу. Я занят.

– Да, уж точно занят, – заметил я, посмотрев на бутылку в его руках. – Если помнишь, я тоже был так вот занят – и еще дольше, чем ты.

– Я хочу кое-что сделать для тебя, – вдруг заявил он, и его мерзкая кислая гримаса сменилось ухмылкой еще мерзейшей. – Мне нужно вот это.

С тем он встал и подошел к столу, где лежал светострел.

– Но мне нужно еще кое-что.

– И что ты собираешься делать?

– Это сюрприз. Но тебе понравится.

Я был не совсем уверен, что мне понравится, если десятилетний пьяный циник станет играть в моем подвале с нестабильной фос-технологией. Но я знал, что если начну запрещать, Глек все равно раздобудет нужное: украдет ли, выклянчит ли. Больше того, мне все время приходится напоминать себе, что Глек – не ребенок. Ему перевалило за пятьдесят, и он вполне способен о себе позаботиться.

– Составь мне список нужного, – выговорил я.

На меня накатила очередная волна усталости. Запах вина манил. А ведь еще слишком рано для выпивки. Но я часто думал, что еще слишком рано. А потом приходил к выводу, что вовсе и нет.

– Но потом протрезвись, – добавил я. – Я хочу продолжить наши уроки.

– У тебя нет способности к языкам, – указал Малдон.

– А у тебя – к педагогике, – парировал я. – Но ты у нас знаешь язык драджей, а я хочу выучить его. Пока я рискую шкурой и держу тебя в этом доме – будь добр, принеси хоть какую пользу.

– Тебя учить – жуткая тоска. И мука.

Я обозвал его дерьмососалкой на языке драджей – Глек первым делом обучил меня набору ругательств. А теперь он рассмеялся и шатаясь убегал прочь.

Малдон выучил наречие драджей, когда Шавада поработил его разум. Малдон многое выучил, большей частью жуткое и кошмарное. Кое-что я увидел, когда залез в его рассудок – и больше видеть не хотел. В Глеке Малдоне засела тьма, которая уже никогда его не покинет. Отчего же я его пощадил? Да пожалел. Пусть он теперь превратился хрен знает во что, он все равно был другом. Мушкетная пуля раздробила ему лицо, вырвала глаза. Увечья бы исцели-

лись, если бы Глек оставался «малышом». Но это потребовало бы душ. «Малыши» исцелялись, медленно обдирая жизненную силу жертв. Но Малдон утратил способность красть чужие силы, и увечье осталось навсегда. Похоже, у него осталась только магия, позволяющая поддерживать тело. Оно не выросло и не состарилось за четыре прошедших года. Если бы Валя или Амайра заметили – были бы проблемы.

Проблемы могли стать еще больше, если бы кто-нибудь заметил, что у Глека нет глаз – а он может видеть, писать и рисовать, никогда не бьется лбом о дверной косяк и всегда знает, кто зашел в комнату.

В общем, магия у него осталась, но какого рода, я не знал.

7

Я неохотно принимаю советы, но оно полегче, когда неоднозначно относишься к дающей их особе. Может, мне захотелось произвести на нее впечатление? А-а, так глупо. Я же ее босс. Ну чего тут усложнять? Она просто хочет привести меня в норму, ведь она так же предана делу Границы, как и я.

Правда-правда.

Я пришел по адресу, написанному Валией, к большому стандартного вида зданию на спокойной стандартного вида улице. А, веселый дом из тех, куда пускают не всех клиентов, и где все за занавесками. Я ощутил себя донельзя глупо. В такие заведения ходят люди вроде Дантри Танза. Что подумают люди, если узнают про вылазки Рихальта Галхэрроу за телесными прелестями? Позволять чужим видеть тебя беспомощным, забавляться с тобой, будто с игрушкой – унижительно. А мое «я» держится на страхе, который я бужу в окружающих. В общем, я выложил на прилавок кучу денег, чтобы персонал держал язык за зубами.

Спокойный, держащийся с достоинством молодой человек завел меня в комнаты с ванной с выложенным плиткой полом, включил маленький водогрейный котел на фосе. Тот запарил, завздыхал, будто океанский прибой. Молодой человек зажег свечи, приглушил свет. Я разделся, залез, молодой человек приготовился добавить благовонное масло, лепестки цветов и соль, но вода мгновенно сделалась бурой. Я застыдился, отвернулся и не смотрел на то, как парень спокойно выпустил воду и молча залил новую. Он говорил лишь по надобности и позволил мне погрузиться в маленький мирок расслабления. Из соседней комнаты доносилась тихая музыка: мелодичные трубы, ровный подспудный рокот барабана. Меня мягко окутало ароматами абрикоса и апельсина, вокруг поднялся пар. Я закрыл глаза. И в темноте за ними была лишь пустота.

Я отключился. А может, и уснул. Прошло изрядное количество времени.

Не знаю, сколько я просидел в ванной. Вылез, когда ушла вода. Но кожа на пальцах сморщилась. От горячей воды шкура покраснела и зудела, будто ошпаренная. Я подумал, что все, закончили, но местный слуга привел меня к столу и заставил лечь лицом вниз. Лежать ничком голым – странное ощущение, но я решил довериться слуге. Тот массажировал мои ноги, начал со ступней и медленно пошел вверх: щиколотки, бедра, ягодицы, потом спина и шея. Слуга знал свое дело, толкал, давил и жал поразительно твердыми пальцами до тех пор, пока мышцы и суставы не расслабились. Он рассказывал о моих проблемах, описывал свои действия, чтобы не пугали хруст и трест суставов. Вдруг он будто захотел оторвать мою голову от шеи, затем в ней оглушительно хрустнуло, и что-то твердое распустилось, расслабилось. К завершению массажа я словно погрузился в туман, отделился от тела. Слуга дал мне полотенца, чтобы отереть масло, а потом принесли мою одежду. Удивительно, но ее выстирали и высушили, пока я сидел в ванной. Мне расхотелось возвращаться в прежнюю жизнь, покидать этот тихий ласковый пузырек мира.

Я зашел во вторую комнату, где мне дали бутылку холодной воды, попросили сесть, а радостная женщина обработала мое лицо и шевелюру ножницами и бритвой. Столь же веселая женщина обработала крошечным надфилем мои ногти. Я едва узнал человека, посмотревшего на меня из зеркала – из-за новой стрижки и того, что вообще не слишком люблю смотреть в зеркала. Волосы поседели у висков. Ну, само по себе это не так уж плохо. Если бояться старости, то жизнь идет впустую, от и до. Бояться ее – значит сдаться ей, а я пока намерен выигрывать все свои битвы.

Ванна, массаж и бритье. Все так просто, все – пустяки. Но когда я пошел к выходу, внутри что-то взбунтовалось, и даже непонятно, что именно.

* * *

Город показался мне хрупким и больным, и не только из-за постоянного дождя. Я еще благоухал лавандовой ванной, а в ноздри била вонь драджей, ползла от каналов, будто плесень и лишай. По улицам голосили проповедники, но их никто не слушал.

– У меня идея! – объявила Валия, как только я переступил порог.

Она почти что сияла мрачной радостью. Валия всегда так, когда накопает новое. Видно, новость прямо жжет язык. Валия смерила меня взглядом сверху донизу, оценила то, насколько я чист и презентабелен, попыталась не улыбнуться и смешно надула губы. Черт, ну как с ребенком! Я нахмурился, прошел мимо.

– Я обдумала то, что тебе рассказал навигатор, – заявила Валия. – Тот, кто его вербовал, Накомо, был образован, самовлюблен и раньше не видел неба Морока. Так кто у нас образован, обожает себя и недавно явился с Ленниграда?

– Так кто же?

Она принялась загибать пальцы.

– Уж точно не солдаты. И не крестьяне с мастеровыми. Инженеры? Возможно. Но кто у нас обычно задирает нос до неба?.. Актеры. Есть такой немолодой уже актер, Маролло Накомо, играл в «Башне Лейонара». Пьеса шла недолго, быстро сошла со сцены. Накомо был звезда в Ленниграде, но закатился в грязь. Он прибыл в Валенград пару месяцев назад. В общем, самое то.

– Уверена?

– Рихальт, ты серьезно? Я когда-нибудь советовала тебе чепуху?

Похоже, она всерьез занялась обработкой моей персоны.

– Я когда-нибудь говорил тебе, что ты очень умная? – осведомился я.

– Да, но слишком редко.

* * *

Я созвал своих «галок», и мы спикировали на цель. Кассо с Меарой зашли сзади, я повел четверых через парадное. Все – с оружием наготове. Дом был старый, покинутый во время Осады и самовольно заселенный новыми жильцами. Дверь упорно сопротивлялась топору. Когда мы наконец проломились внутрь, то обнаружили Накомо в ночной рубашке. Он трясся в постели. Симпатичный парень, хоть и с взъерошенной со сна каштановой шевелюрой, на удивление моложавый. После слов Валии я ожидал обнаружить почти старика.

– Как вы смеете учинять надо мной насилие! – закричал он. – Вы представляете, кто я? Я требую адвоката! Как вы смеете!

– Это точно он? – спросил я у Кассо. – Наш должен быть постарше.

Мой главный «галчонок» пожал плечами, ухватил Накомо за волосы, чтобы лучше рассмотреть лицо.

– Вы схватили не того человека! – завопил пленник. – Меня зовут Накомо, мне пятьдесят три года! Наверное, вам нужен кто-то другой.

Это и решило дело, хотя и не так, как надеялся Накомо. Кассо утихомирил его, засунув тряпку в рот. Мы допросим актера, но в нашем логове.

– Моя жена видела его игру в той пьесе, – вдруг сообщил Кассо.

Я не знал, что он женат. Он мало говорил, а когда говорил, то больше жаловался.

– Тупая чушь про короля и упавшую башню, – добавил Кассо. – Жена говорила, монологи тянулись гребаные часы напролет.

– Я не знал, что ты интересуешься театром, – заметил я.

– Я? На дух не выношу это дерьмо. С чего, как думаете, я не пошел с женой?

Я приказал паре моих людей выпотрошить жилище. Они нашли под половицами изрядный запасец монет. А в подвале обнаружился знакомый запахок мертвечины и гнили, тревожащий, тяжелый, цепкий и древний. Мне показалось, что я его узнал, и потому я отправил «галку» за Малдоном. Тот явился в крайнем раздражении. Еще бы, прервали его ночной коматоз. Но когда я завел Глека в подвал, злость прошла. Малдон не хотел идти, выгибал спину и извивался, будто кот, которого тащат к ванной.

– Оно точно тут было.

– Как давно?

– Недавно. Это оно. Око Шавады, – подтвердил Глек.

Накомо не мог быть взломщиком. Того, кто способен проломиться сквозь чары Вороньей лапы, запросто не возьмешь. Он только посредник – хранил украденное или просто приютил взломщика. Если б Око было здесь вместе со взломщиком, я мог бы капитально погореть. Сюда надо было бы являться со спиннерами и ребятами Ненн. На всякий случай я все равно приказал раскопать подвал. Мы ничего не отыскивали. Ока здесь уже не было.

От злости я разнес вдребезги набор дорогих тарелок. Мы опоздали на часы? На минуты?

Во время допроса Накомо ничего не сказал. Он казался сконфуженным, путался и толком не знал, где был в последнее время. Он не работал. После уничтожающих рецензий на пьесу его выкинули из театра, и Накомо остался с немалым долгом за дом и без перспектив. Накомо понимал, что залез в дерьмо по уши и болтовня резко уменьшит его шансы прожить хотя бы еще неделю. Вопросы про Око наглухо заткнули актера, он не хотел даже и глядеть на меня и моих людей. Допрос продолжался два часа. Трауст кричал Накомо в лицо, один раз отвесил оплеуху. Трауст повторял одни и те же вопросы:

– На кого ты работаешь? Кто водил тебя в Морок? Как они хотят предать Границу? Где Око?

Но актер молчал, безразлично уставившись в стену, и будто впал в транс, отрешился от всего окружающего.

– Хотите, чтобы я принес молоток? – спросил Трауст.

Его гадкая ухмылка сделалась еще гаже – Траус злился из-за двух часов, потраченных в напрасных стараниях запугать и унижить. С таким же успехом Накомо мог бы быть статуей. Его взгляд был пуст и гладок, как свежее полотно.

Я глянул на Валию. На ее лице не было осуждения. Она знала, что следует делать.

– Нет, – сказал я Траусту. – В белые камеры его.

Трауст утащил актера прочь.

Есть много способов сломать человека. В белой камере трудно выдержать и сутки. Она узкая, можно лишь стоять. Попавшему туда не дают еды и воды, каждые двадцать минут бьют в гонг, чтобы узник не заснул стоя. Если заснул, окатывают соленой водой. Со всех сторон ослепительно сияют мощные фос-лампы. Белая камера – не топор палача. Она разрушает рассудок, путает, мутит его. Делает мягче. Все без исключения поддавались и раскалывались после нескольких суток в белой камере.

Мне не терпелось расколоть его. Слабаки держались считанные часы. Я надеялся, хватит и одного дня, чтобы развязать ему язык. Выпустить из белой клетки раньше – значит просто дать ему передышку. После недели он раскололся бы наверняка, но недели у меня не было.

Я уже собрался посылать за Накомо, когда Амайра объявила о госте. Явился губернатор Тьерро, мой старый знакомец, которого Давандейн пыталась представить мне в театре. Тьерро снова был в долгополом белом плаще, белых перчатках, рыжих сапогах и поясе того же цвета. Его опять окружало удушливо мощное облако одеколонного смрада.

– Прошу прощения за то, что явился без договоренности, – сказал Тьерро. – Но дела никогда не ждут. С вами можно переговорить?

- У меня срочное дело, – сообщил я.
- Я ищу женщину, дворянку. Леди Эзабет Танза.

Я уже потянулся за плащом, висящим на спинке стула, но услышал имя Эзабет, и рука замерла.

– Амайра, иди к Валии, попроси забрать нашего друга из камер и привезти сюда, – велел я.

Обычно Амайра приносила мне кофе и чистила одежду, а потому очень обрадовалась настоящему поручению, касающемуся настоящей работы «Черных крыльев». Когда Амайра начала взрослеть, для нее внезапно стало важным то, на что она не обращала внимания в детстве. Она стремглав умчалась исполнять, а я завел Тьерро в скудно обставленную гостиную. Ею редко пользовались. Комфорт, как правило, был последним в списке того, что требовалось попавшим к «Черным крыльям».

– Трудно поверить в то, что и мы были когда-то такими же молодыми, – заметил Тьерро.

А, касаемся общего прошлого. Сближаемся эмоционально. То бишь строим мост между тем, что нужно ему, и тем, что есть у меня.

- Да, целая вечность, – согласился я. – Хочешь чего-нибудь? Вино, бренди?
- Травяной чай, если есть.

Травяного чая не было, и потому мы остались без питья. Я хотел закурить сигару, но вовремя вспомнил об увещье Тьерро. Было бы слишком жестоко мучить его слабые легкие дымом свирепого табака Границы. Я сунул футляр с сигарой обратно в карман.

– И чего же ты хочешь от Эзабет Танза?

– Помощи. Она исчезла четыре года назад. Считается, будто она погибла во время Осады. Тогда ее видели в последний раз. Таково общепринятое мнение.

– Эзабет Танза мертва, – сказал я.

– Возможно. Если этот разговор тебе неприятен, прошу прощения. Когда я искал информацию о ней, наткнулся на интересный слух.

– Верить слухам бывает опасно.

– Скорее всего, это пустопорожняя сплетня. Пустышка, – сказал Тьерро. – Но кое-кто думает, что вы, так сказать, были друг другу ближе, чем друзья.

Мы и в самом деле были – недолго. Но это известно немногим. Ищейки Тьерро сумели зарыться очень глубоко, раз уж добыли такое. Хотя с его деньгами он может нанять самых лучших.

– Тьерро, лучше тебе не оскорблять мертвых.

– Я прошу прощения. Я должен был спросить. Леди Танза была выдающимся математиком, физиком, лунаристом и вообще ученым с большой буквы. «Железное солнце» построено по схеме, предложенной леди Танза в ее диссертации о манипуляции фосом.

– Что такое «Железное солнце»?

– Вы видели черный шар на острие Великого шпиля? Это прибор для сброса отдачи фоса. «Железное солнце» можно превратить и в оружие. Это изумительное достижение инженерии, сделанное благодаря леди Танза.

Он хотел клещами выудить из меня прошлое, вытащить, будто комок спутанных водорослей из глубокого русла.

– Эзабет Танза умерла при Осаде, – сухо повторил я. – К сожалению, я не могу тебе помочь.

– Да, так считается. Но ведь нет тела. И нет могилы.

– Когда рухнула стена, погибли многие. Скорее всего, Эзабет погребена под десятью тысячами тонн щебня. Чтобы помочь с твоей фабрикой фоса, тебе придется найти кого-то другого.

Я ни с кем не говорил о смерти Эзабет, кроме Дантри, Ненн и Тноты. Эзабет – наша величайшая героиня, но слышать ее имя из чужих уст, как ножом по нутру. А раструбить о ее пожертвовании на все княжества – невыносимо. Потому я молчал.

– Капитан, Великий шпиль – не просто мануфактура фоса, – заметил Тьерро, и мне показалось, что в нем на мгновение вспыхнула искра.

Проблеск чего-то большего, по-настоящему ценного для него. Для людей его породы миллион марок – подачка на прокорм птичника, завоевание капитала – всего лишь игра, соревнование с другими торговыми магнатами. Но Великий шпиль для него, похоже, настоящая страсть.

– Великий шпиль – символ людской надежды! Люди пережили много ужасного. А Великий шпиль говорит им: *вот дело человеческих рук превъише любых мечтаний наших врагов. Смотрите, как мы достаем до неба!*

– Твои слова до странного напоминают учение о Светлой леди, – заметил я. – Ты, случаем, не верующий?

Тьерро не стал отвечать.

– «Вестланд» вложил больше денег в Великий шпиль, чем могли бы наскрести все города за двадцать лет. Великий шпиль поднялся всего за четыре года. Никогда еще столь великая работа не совершалась за такое краткое время. Капитан, ты знаешь, отчего я приказал начать этот проект?

– Фос приносит много денег. Думаю, дело в прибылях.

– Не стану отрицать, прибыли важны. Но не в этом случае. Помнишь, как оно было, когда мы все пошли в армию? Ты, я, братья Эйдерштайн, Пеп, Салия, остальные? Записалась половина нашего класса. И мы же тогда по-настоящему верили. И хотели сделать что-нибудь стоящее.

– Нас всех судьба чуточку обделила умом.

– Служить своей стране – не глупость, – возразил Тьерро. – Я знаю, что и ты считаешь так, иначе бы не торчал тут, не воевал бы много лет напролет. Я всегда мечтал о славе, репутации великого полководца. Даже о маршальском жезле. Да мы все мечтали. Но после Адрогорска...

Тьерро помрачнел, и на мгновение с него слетел весь холеный лоск. Да, нелегко вспоминать худший день своей жизни. Стрелки Тьерро засыпали «малыша» мушкетными пулями, начисто снесли голову, но даже это не остановило колдуна. Он успел наслать заклятие. Думаю, Тьерро до сих пор видит в кошмарах низкое бурое облако, ползущее к нему. А оторванная голова продолжает смеяться.

– Меня отослали в тыл до того, как начались по-настоящему тяжелые бои. Я не хотел уходить, но не мог больше оставаться на Границе. Магия въелась в мои легкие, я едва мог дышать, яд Морока добивал меня. Меня отослали на море, в Валень, но тамошний якобы свежий воздух нисколько не помог. Зато я разбогател. Я купил угольные шахты, а там оказались алмазы. Я превращал деньги в деньги, и в еще большие деньги. Оказалось, плодить деньги – мой талант. Но я не хотел такой жизни. Я всегда хотел быть здесь и драться – и был бы, если бы не магия «малыша».

– Тебе не надо убеждать меня в том, что ты хотел драться. Тебе дали тот бастион, потому что ты мог его удержать. А теперь ты строишь Великий шпиль. Хочешь по-другому выплатить долг?

– Если бы жизнь была настолько простой, – с сожалением произнес Тьерро. – Приближается большое астрологическое событие – солнечная вспышка. Два года назад я узнал, что Великий шпиль надо закончить до ее окончания.

Я мог бы стать бизнесменом, как Тьерро. Тогда моя жизнь пошла бы совсем иначе. Наверное, я сохранил бы прежнее имя, семью и не имел бы чертову татуировку ворона на руке. Но

я всегда ненавидел мелочную денежную игру, переплетение интересов и лжи. Я предпочитаю врагов с копьем в руке тем, кто втихую купит мои сапоги, пока они еще на мне.

– Если ты хочешь, чтобы твой шпиль достроила Эзабет Танза, увы, ты крепко промахнулся.

– Ты ведь знаешь о Светлом ордене и учении Высоких свидетелей. Ты веришь в них?

– Меня еще нужно убедить, – заметил я.

Тьерро задумался. Затем наклонился ко мне.

– Можно ли сигару?

Я нахмурился. Скверная идея, но отказывать грубо. Он взял из коробки пару, разжег обе, протянул одну мне.

– Я видел Светлую леди. И не просто проблеск – настоящее видение.

– Многие так говорят. Ну и что с того? Это поможет нам драться?

Тьерро внимательно рассмотрел сигару, глубоко затянулся, выдохнул облако дыма.

– Я тоже не верил. Но потом я увидел ее, и она исцелила меня своим огнем.

Я промолчал. Слушать в моем личном логове чужих людей, говорящих про Эзабет – это как шилом в хребет. А она там, в огне, потерянная, одинокая, загнанная в ловушку. Меня прямо скрутило от горя и боли – и от глубочайшей, лютой зависти. Эзабет никогда не приходила ко мне в яви. В полудреме я видел ее, она тянула ко мне руку, будто звала – но Тнота прав. Я вижу то, что хочу видеть. А такие, как Тьерро, смеют говорить о том, будто видели ее взаправду. Высокие свидетели. Счастливики.

Мать их!

Между нами клубился дым, но моя сигара потеряла вкус. Я вдыхал мертвый пустой дым.

Когда впервые появился светлый призрак, Дантри отправился его искать. Людям вокруг Валенграда – там, где была сеть фоса – являлось видение женщины. Явления казались абсолютно случайными: то перепугавшийся пекарь, то часовой на стене, то клерк в Цитадели. Призрак выглядел лишь далеким эхо, отзвуком фос-разряда. Но затем пошли известия из далеких краев, и вообще отовсюду, где только была сеть фоса. И в шахте, и даже на корабле. Повсюду в городах-государствах Дортмарка люди видели Светлую леди, призрак в сиянии.

– Я понимаю, что тебе трудно это принять, – сказал Тьерро. – Но она пришла ко мне и вылечила меня, выжгла из меня темный яд, и я ощущаю ее в самой глубине сердца.

Он прижал ладонь к груди.

– Она сказала, что Великий шпиль должен быть готов для ее явления. Он нужен ей, чтобы родиться вновь.

Я тоже хотел верить во что-то большее, чем просто огонек в ночи. Я хотел верить в то, что Эзабет жива. Я гонялся за видениями и донимал тех, кто видел ее. И нашел лишь пустоту, эхо, тень, застрявшую в фос-сетях, застывшую в мгновение смерти. Если бы Эзабет осталась чем-то большим, то пришла бы ко мне, и не только в снах.

Тьерро выглядел настолько искренне верующим, что я не нашел слов. Одно дело верить, что тебе явилась Эзабет. Видений Светлой леди было столько, что разницы никакой, одним больше, одним меньше. Проповедники выли о своих видениях чуть ли не на каждом углу. Но никто раньше не заявлял о том, что *слышал* Эзабет. Я настоящий циник, закаленный годами отслеживания шпионов, дезертиров и саботажников. Ложью меня не пробьешь, пусть и разукрашенной.

– ...Если бы мы не были старыми друзьями, я бы уже поволок тебя в Мод, – наконец выговорил я. – Тебе стало лучше, и я искренне рад этому. Но если ты слышишь голоса, быть может, тебе лучше больше не курить травку?

Тьерро затянулся, выпустил густое облако дыма. Оно повисло между нами, затеняя лица.

– Скепсис вполне понятен. Но она не просто исцелила меня – она принесла мне дар.

Тьерро вытянул свободную руку ладонью вверх, и на ней вырос шарик бледно-голубого света – словно сгущенное облачко дыма, висящего между нами. Шарик слегка потрескивал, но очень тихо. Все полностью под контролем.

– Ты спиннер? – изумленно выдохнул я.

Невозможно. Способности спиннеров всегда проявляются в подростковом возрасте. Когда мы держались в Адрогорске, у Тьерро не было дара – в двадцать один год. Я молча глядел на невозможный шар света. Он колыхнулся, засветился золотом, описал круг по ладони. А Тьерро по-прежнему оставался спокойными и деловитым. Да уж, он умеет вежливо и мило давить на собеседника.

– Эзабет Танза была величайшим спиннером за много поколений, – сказал он. – Уникальные разум и мощь. До сих пор ходят легенды о том, что она творила во время Осады. Эзабет Танза исчезла в ночь активации Машины Ноля. В ту самую ночь, когда всех драджей в городе истребила буря света, которую никто так и не смог объяснить.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Рихальт, скажи мне правду. Ведь это она. Светлая леди, дух в пламени – ведь это Эзабет Танза?

Я до боли стиснул зубы. Тьерро позволил деловой маске немного сползти и улыбнулся. Мое молчание было красноречивее любых слов.

– Не бойся, – тихо сказал он. – Твой секрет останется со мной. Я лишь хотел...

Дверь распахнулась, грохнула о стену. В гостиную ввалилась мокрая от пота Валя, сжимающая ладонью плечо. Платье было в крови.

– Накомо вырвался, – сказала она.

8

План побега Мароло Накомо не был шедевром планирования и ухищрений. Валия и пара моих «галок» под конвоем вели пленника по городу, Накомо выхватил из-за пояса кинжал и принялся кромсать налево и направо. Никто серьезно не пострадал, но крови пролилось много, и «галки» не смогли схватить беглеца. Одному он откромсал пару пальцев, второй уж точно в ближайшем будущем не выиграет конкурс красоты. Хотя он и так бы его не выиграл. Я попросил Амайру проводить Тьерро.

– Рихальт, спасибо, – сказал он на прощание. – Все станет лучше, уж поверь мне.

Мы пожали друг другу руки. Затем пришлось штопать Валию. Амайра принесла бинты, мы ждали хирурга, чтобы тот зашил рану – неглубокую, но рваную и грязную.

– Мне следовало быть осторожнее! – процедила Валия.

Неудача была для нее болезненней мелкой раны. Впрочем, угрызения совести тут вполне к месту, и я не стал утешать. Я так привык к успехам Валии с бумагами и числами, что доверил ей работу головореза. Валия не справилась – и виноват, собственно говоря, я.

– Если переживешь последствия своей ошибки, обязательно чему-нибудь научишься, – заметил я. – Мы его возьмем.

– Рихальт, прости, я запорола дело. Этого больше не случится.

– Не переживай и не казни себя. Отдохни и приведи себя в порядок. Мы предупредим сержантов у ворот. Накомо не уйдет из города.

Я собрал и отправил на поиски все наличные силы. Мы опросили знакомых и коллег Накомо по театру, но там он не появлялся уже несколько недель. После провала спектакля он стал нелюдимым. «Драни» Ненн наслаждались отпуском из Морока, но были счастливы вышибить пару дверей и перепугать сопливых актеришек, а в особенности за деньги. Я приставил соглядатая и к логову Накомо.

Я злился на себя. Ведь уже взял за глотку – и так бездарно упустил, позволил выскользнуть. Подчиненные чуяли мою злобу и держались подальше.

От маршала пришла просьба навестить ближе к вечеру. Давандейн любила рассылать приказы так, будто это приглашения на летнюю вечеринку в саду: изысканная каллиграфия, надушенные конвертики. Но от моего веяло срочностью. Оно казалось, скорее, приказом, а не приглашением. Маршал знала, что я ненавижу, когда мной пытаются командовать. То есть Давандейн разозлилась или по уши застряла в чем-то. Я уже опрокинул полпузыря бренди и совсем не был расположен к разговорам, но меня встревожил тон приглашения. Ненн позвали тоже. Мы сидели вдвоем в приемной и ждали, пока Давандейн развлечется с очередными посетителями. Ненн не лыбилась и не сквернословила. Дурной признак.

– Что-то у меня неладно в кишках. И уже не первый день, – пожаловалась она.

– Наверное, это из-за твоих перцев, – предположил я. – Подпортила себе нутро.

Ненн не оставила привычки есть сырой красный перец, появившейся после того, как беднягу заштопал Саравор. Она нахмурилась, помяла живот в том месте, куда вошел клинок драджа.

– Не могу бросить. Тело знает, чего хочет.

– А чего хочет Давандейн?

– Провалиться мне, если знаю, – пожав плечами, буркнула Ненн.

Хм, что-то мою Ненн беспокоит всерьез. Я принялся настырничать, и наконец, вытащил признание.

– Боюсь я, когда так болит, – созналась Ненн.

– За что боишься?

– За то, что внутри меня. За то, что Саравор вытащил, и за то, что вставил. Может, я внутри совсем уж вся перековерканная и не такая. И толку не будет, в смысле, забеременеть, и всякое прочее.

Мы редко говорили о моей сделке с Саравором после того, как Ненн проткнули на Двенадцатой станции. Он был единственным колдуном, способным спасти мою Ненн. Я никогда не жалел о той сделке. Хотя Саравор – монстр, он спас моего лучшего друга. Но Саравор не был врачом. Он не ремонтировал человеческие части – он их заменял.

Я не умею говорить с людьми о том, что для них важно, и никогда не умел. А слова Ненн повисли между нами дерьмом и отравляли душу, пока я не выдержал и не брякнул:

– Так тебе не хватает мелких засранцев под ногами?

– Не знаю. Я уже слишком старая.

– Что-то ты не похожа на любящую маму, – заметил я. – Это твоя идея или чья-то еще?

Да, женщину, меньше пригодную для материнства, чем Ненн, еще поискать. С другой стороны, возможность родить дается не за заслуги. Под «кем-то еще» я имел в виду Бетча.

– Я просто подумываю об этом иногда. Знаешь, мне кажется, что я перед окном, и оно медленно закрывается, отнимает у меня свет.

Солдаты Морока, как правило, не слишком озабочены семьей и будущим. Они привыкают к опасности, свыкаются с мыслью о том, что, скорее всего, не дотянут до четвертого десятка. А когда дотягивают, сорок видится невозможно далекой целью. Тех, кто дотянул до шестидесяти, знает весь Валенград. А Ненн уже стукнуло тридцать. С возрастом люди становятся мягче – даже такие головорезы, как Ненн. У меня был шанс стать счастливым отцом, и я его упустил. Кое-кто не создан для отцовства, а кое-кто попросту недостоин.

Слуга провел нас на крышу Цитадели. Я обрадовался, что не пришлось продолжать разговор с Ненн. Я вряд ли мог сказать ей хоть что-нибудь дельное.

Ветер шел верховой, нес из Морока соленую химическую вонь. Ее не могли перешибить даже местные фабрики. Вонь Морока помогла мне проснуться, сбросить сраную сонливость с глаз и рассудка. Над нами мрачно высились башни Машины Ноля, похожие на клоунские колпаки: тихие, мертвые – но это до поры.

– Доложите мне об украденном, – сухо приказала Давандейн.

Маршал выглядела импозантно в белой блузе с высоким воротником, подтяжках и черных штанах до икр. Наверное, писк моды, еще не добравшийся до Границы. А еще эти ее тонкая тлеющая на ветру сигара, длинный мундштук и губы, выкрашенные в клубничный оттенок. Маршал одна, но ее дружная бригада боевых спиннеров неподалеку. Поодаль переговаривалась группка чиновников из Ордена инженеров эфира.

– Докладывать, в общем, и нечего, – ответил я. – Мне неприятно в этом признаваться – но факт. Мои люди раздают взятки по всем кварталам, но украденная вещь – не из того сорта, чтобы можно было тиснуть ее в подвальном ломбарде. Крали ради конкретной цели.

– Насколько серьезна опасность?

– Мы на Границе, – напомнила Ненн. – Это значит, в дерьме по горло.

Вряд ли маршал хотела услышать именно такой ответ, но она и не глянула на Ненн, уставилась на расколотое небо.

– Нужно больше сил? Мои спиннеры могут помочь? – спросила Давандейн.

– Нет, – отказался я. – Я справлюсь сам и верну украденное.

Я обещал не из ощущения ответственности за пропажу, а потому, что был ответственен за нее. Мерзлого ворона, чуть выдравшегося из моей руки, послали меня предупредить. Но птица запоздала и не смогла нормально передать сообщение. Я-то ожидал вестей от Вороньей лапы, но отчего птица не смогла вылезти сама? Тревожно. Не верится, что у старика иссякли силы или дела пошли наперекосяк. Но кто знает?

– Вряд ли стоило тащиться сюда только затем, чтобы сказать вам лишь это, – указала Ненн.

Когда ее выдернули и приказали явиться, она как раз выигрывала в шашки, и теперь сильно злилась.

– Не только для этого. Я хочу, чтобы вы присмотрели за Светлым орденом. Вы оба. Если они перейдут черту, возмнят о себе лишнего – давить без пощады. Они меня тревожат. Сильно.

Давандейн щелчком вышибла окурок из мундштука, вставила новую сигариллу. Я глянул на Ненн. Ей не очень нравилась маршал.

– Да они просто психи, – заметила Ненн.

Увы, как не крути, это не так. Тьерро меня напугал. Он умный человек, а в коммерции вообще гений. В студенческой молодости он любил выпить, пострелять, повеселиться с девушкой на балу, а потом и в постели. Не то чтобы мы с Тьерро были особенно близки, но я звал его другом. Однажды я ему здорово нагадил на одном из тех балов. Тем вечером я проиграл ему в карты, а девушка, которой он написал сотню любовных сонетов, пошла со мной. Я повел ее прочь и на прощание в насмешку отдал Тьерро честь. Я разозлил его – но Тьерро не вспылал, не вызвал меня на дуэль, как Тороло Манконо двумя годами позже. Бросать мне вызов было чистым безумием. Я уже тогда здорово вымахал и владел клинком намного лучше Тьерро. Тот не стал швырять свои честь и достоинство в костер, а остался спокойным и хладнокровным, проигнорировал колкость и взялся за другую девушку. Насколько я помню, он ее завоевал.

Если человек, способный на такой уровень самоконтроля даже в пьяном виде – искренний приверженец Светлой леди, это беспокоит меня куда сильнее, чем проповедники на улицах. Необразованные люди готовы поверить во все, что соответствует их вкусам, но подобных Тьерро в этом мире по-настоящему мало. Нет сомнений, ему известно то, о чем и не подозревают рядовые верующие. Тьерро – очевидная головная боль.

– Мне нужно знать, правду ли говорит Светлый орден, – сказала Давандейн.

Она выплевывала слова, будто они гнили у нее под языком.

– Сюда, к нам, явился их Высокий свидетель. Он объявил, что здесь начнется новый мировой порядок и восстановится справедливость. Я хочу знать, что он имеет в виду.

Ах, мы боимся за свою власть и положение.

– У Валии есть досье на них, – сообщил я. – Свидетелей всего четверо, они странствуют с проповедями по всем городам. Их трудно взять и трудно добыть о них достоверную информацию. Нам известны два имени: Валентия и Глаун. Но Свидетели путешествуют тайно. Я почти ничего о них не знаю. Известно лишь то, что через две недели они придут в Валенград.

– Светлый орден в опасной близости от открытого бунта, – сказала маршал. – Высокий свидетель нашел в городе много сторонников. Они безумствуют и льстят толпе, проповедуют революцию и власть праведных. Я хочу раздавить их.

– Но вы же не хотите оспаривать их религию, – заметила Ненн. – Если они окажутся правы, то вы попадете впросак и будете выглядеть глупо.

На этот раз Давандейн свирепо уставилась на мою Ненн. Да пусть пободаются. Я внезапно вспомнил то, как поднимались пузыри в зловонной жиже канала.

Ярость Давандейн уже не мог скрыть и макияж.

– Да пошло оно все! – выдохнула она. – Великий свидетель принесет нам беду. Я хочу хоть как-то обуздать Орден.

– Я слишком долго не обращал на него внимание, – признался я. – Его следовало обуздать до того, как он разросся до нынешних размеров. Их теперь многие тысячи.

Увы, я позволил личным делам повлиять на работу «Черных крыльев», не стал лезть к Ордену. Глупо. Может, Тьерро и поверил проповедям Свидетелей, но он же может ошибаться. Да он, несомненно, ошибается. Ну ведь правда же?

– Найдите мне то, что позволит их раздавить, – приказала Давандейн. – И выясните, что именно украли из склепа.

Мы спустились с крыши. Я обрадовался, что смог спрятаться от пронизывающего ветра.

9

Мы быстро ехали по улице, пепельный дождь шипел на фос-трубках. Когда вернусь в логово, придется смазывать доспехи. Конечно, на вид они донельзя крутые, но если не заботиться о снаряжении, оно быстро превращается в ржавую рухлядь.

– Народные волнения, статус «голубой», – заметил Тнота.

– Ты единственный, кто пользуется этими статусами. Я даже не знаю, что значит статус «голубой», – указал я.

– Это значит «народные волнения», – заметил Тнота и одарил меня самой раздражающей из своих безмятежных ухмылок.

Мы процокали мимо Помойки к Великому шпилью. Он тянулся в небо, будто хотел залезть в бело-бронзовую щель. Девять сотен футов – ни одна башня не имеет права быть настолько высокой. Инженеры Тьерро что-то сотворили с кованым фосом, крученой сталью, и башня пережила все недавние землетрясения. В последний раз трясло утром – небольшой толчок, но все были на нервах.

Тьерро был прав. Великий шпиль – изумительный памятник человеческому таланту. Некрасивый – слишком уж угловатый, – слишком уж практичный, но так легко представить себе пилигримов Светлого ордена, приближающихся к городу и видящих уходящую в расколотое небо башню. Когда придут Свидетели, то, наверное, запляшут джигу от восторга.

У основания башня насчитывала в ширину и длину по две сотни футов. Ради ее строительства пришлось снести немалую часть Помойки. Но никто не жалел о снесенных трущобах – по крайней мере, никто из тех, к чьим жалобам стоило бы прислушаться. Когда строительство завершится, башня станет величайшей мануфактурой фоса в княжествах. Фос потечет сквозь сотню линз к спиннерам вниз. «Вестланд Фронтрир Трейдерз» сделает все для того, чтобы адекватно питать Машину Ноля. Ну, они в это верили. Я-то, само собой, знаю, в чем тут дело.

На площади перед большими двойными дверями, ведущими в Шпиль, собралась толпа. Зеваки обычно страдают, когда дело идет наперекосяк, и попадают под горячую руку, поэтому на площади стояли, в основном, инженеры, каменщики и плотники. Они держали в руках свои молотки и пилы, стояли, сбившись в группки. Работники были самых разных рас, с разными оттенками кожи: их собрали со всего мира, чтобы воздвигнуть Великий шпиль лишь за несколько лет. Скоро придет новая смена, и на площади станет еще тесней.

К открытым дверям Шпиля нестройно промаршировала группа людей с мушкетами на плечах. Во главе ее я с удивлением обнаружил губернатора Тьерро. А не следовало удивляться – это же его Шпиль. Я пришпорил Сокола и поехал наперерез.

– Губернатор, в чем дело? – осведомился я.

– Почти час назад в башню вторглось существо из Морока, и я собираюсь выбить его оттуда, – очень серьезно ответил он, по обыкновению сосредоточенный, собранный, весь – деловитость и власть.

Он был в полированных, изукрашенных гравировками доспехах, как приличествует его статусу, и носил оружие – не обыденные сталь или порох, а португую боевого спиннера крест-накрест через плечи, на поясе – пара канистр с фосом.

Я как раз перетраховывал своих шептунов в поисках слухов о Накомо, когда мне пришло такое же известие. Но за все свое время на Границе я никогда не встречался с тем, чтобы монстр из Морока пролазил в город – ну, если не считать «малыша» Глека.

– Ну, так подожди солдат Цитадели, – посоветовал я. – Если тварь из Морока, то, какой бы она ни была, у цитадельных уйма опыта как раз с такими.

Я осмотрел охранников Тьерро. Почти сплошь наемники компании, но и несколько желтых капюшонов Светлого ордена: фанатики с оружием в руках. Мягко говоря, не самые лучшие резервы.

– Нужно было привести боевых спиннеров Давандейн, – заметил Тнота, хотя я проинформировал всех, кого следовало, о способностях Тьерро.

В том числе и Тноту.

Тьерро не понравился непрошенный совет от обделенного чинами простолюдина. Он презрительно глянул на моего беднягу, выглядящего так, будто он только что вывалился из постели в случайную груду разномастной одежды.

– Мы идем сейчас, – твердо объявил Тьерро. – Каждая минута без работы стоит компании тысяч марок.

– Но ты не знаешь, с чем имеешь дело, – указал я. – Ты уже давно не водился с тварями, выползающими из Морока.

– Уж поверь мне, Рихальт, монстров я навидался достаточно. Те, кто его видел, описывают его как человека без лица. Работники убежали, а я бессмысленно сжигаю деньги, пока стою здесь. Если уж мы управлялись с бутылками того «сорок девятого» и оставались на ногах, уж думаю, управимся и с тем, кто потерял лицо. К тому же, у меня хорошие люди. Крепкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.